

Кевин Макдональд

СТАЛИНСКИЕ ДОБРОВОЛЬНЫЕ ПАЛАЧИ

Евреи как враждебная элита в СССР

Рецензия Кевина Макдональда на книгу профессора Юрия Слэзкина «Еврейское столетие» («The Jewish Century» by Yuri Slezkine, Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004, 438 страниц).

(В России эта книга была издана в 2005 году под названием «Эра Меркурия: евреи в современном мире» (Юрий Слезкин. Эра Меркурия: евреи в современном мире / Пер. с англ. С. Ильина. Москва, Новое литературное обозрение, 2005 г., 544 страницы.)

Рецензия была опубликована в «The Occidental Quarterly», Vol. 5, No. 3 под названием «Stalin's Willing Executioners. Jews as a hostile elite in the USSR».

Постоянной темой в среде критиков евреев, особенно среди правых перед Второй мировой войной, было то, что большевистская революция была, мол, еврейской революцией, и что Советский Союз был во власти евреев.

Эта тема появляется в широком диапазоне книг и статей, от «Международного еврейства» Генри Форда до публичных заявлений, сделанных многочисленными британскими, французскими и американскими политиками в 1920-х годах (такими как Уинстон Черчилль, Вудро Вильсон, и Дэвид Ллойд Джордж), и, в самой экстремальной форме, Адольфом Гитлером, который писал:

«Ныне начинается последняя великая революция. Захватывая политическую власть, еврей сбрасывает с себя последнюю маску. Демократический плебейский еврей превращается в кровавого еврея, тирана народов. Через несколько лет он попытается уничтожить национальные основы мысли и, лишив их естественного духовного руководства, подготовит их к постоянному рабскому подчинению. Самым страшным примером этому является Россия...»

Эта давняя традиция находится в резком противоречии с официальным представлением, провозглашенным еврейскими организациями и почти всеми современными историками, согласно которому евреи не играли в большевизме

особой роли и на самом деле в значительной степени были его жертвами. Книга проф. Юрия Слёзкина дает нам весьма необходимое разрешение этих противостоящих взглядов. Она представляет собой проявление интеллектуального таланта, попеременно запутывающее и блестящее, храброе и примирительное.

АПОЛЛОНИЙЦЫ И МЕРКУРИАНЦЫ

Одним из запутанных элементов, проявляющимся с самого начала и продолжающимся на протяжении всей книги «Еврейское столетие», является утверждение Слёзкина о том, что народы мира можно разделить на две группы. Успешные народы современного мира, названные им меркурианцами, являются чистоплотными, грамотными, говорливыми, интеллектуально изощренными и профессионально пластичными горожанами, интеллектуально развитыми и способными четко выражать свои мысли. Отличаясь способностью манипулировать символами, они ищут «богатства ради образования, образования ради богатства и того и другого ради их самих» (стр. 1). Так как Слёзкин видит в евреях наиболее типичных меркурианцев, он расценивает модернизацию как, по сути, процесс, в результате которого все становятся евреями. Его вторая группа, которую он называет аполлонийцы, укоренена на земле и основана на традиционных аграрных культурах, и особенно восхваляет физическую силу и ценности воина.

Слёзкин осмысливает меркурианство как мировоззрение, и тем самым как вопрос психологического выбора, а не как набор психологических механизмов, самым важным из которых является общий интеллект. В результате этой ошибочной предпосылки он преувеличивает сходство среди меркурианцев, недооценивает силу этноцентризма как объединяющего фактора в еврейской истории, и не в состоянии понять корни западных социально-экономических учреждений.

Слёзкин рассматривает еврейство как одну из многих меркурианских культур, как один из народов, которые пребывают в одиночестве в диаспорах, живут среди иноплеменников и часто выполняют функцию экономических посредников. К таким народам, по его мнению, относятся зарубежные («заморские») китайцы (хуацяо), индийцы и ливанцы, цыгане и ирландские переселенцы. Их общим знаменателем, по мнению Слёзкина (и я с ним согласен), является их статус чужаков для людей, среди которых они живут, положение временных жителей, которые, прежде всего, не вступают в брак и не общаются с местными жителями. Их взаимодействия с местными аполлонийцы вызывают «взаимную враждебность, подозрение и презрение» (стр. 20) и чувство превосходства. Кроме того, «всеобщий стереотип меркурианцев в глазах народов, среди кото-

рых те живут, состоит в том, что они хитрые, жадные, коварные, лукавые, пронырливые, и грубые люди» (стр. 23). Меркурианцы обладают большей семейной солидарностью и внутренним единством, чем люди, среди которых они живут; они характеризуются расширенными семьями и патриархальной общественной организацией.

С этим можно согласиться, хотя я подчеркнул бы, что семейная организация таких групп следует больше из долговременной адаптации к областям культуры, из которых они происходят, чем из адаптации к кочевой, посреднической нише. Но Слэзкин утверждает, что меркурианцы, прежде всего, умнее людей, среди которых они живут: Они, как говорят, обладают «хитрым, пронырливым интеллектом», но, конечно, ошибочно было бы рассматривать такие несопоставимые группы как евреи (или заморские китайцы) и цыгане (или ирландские переселенцы) в качестве тех, общей чертой которых является особый набор интеллектуальных черт. В конце концов, евреи, как показывает Слэзкин, неоднократно становились академической, интеллектуальной, культурной, и экономической элитой в западных обществах, в то время как цыгане были склонны к неграмотности и являются в лучшем случае экономически маргинальной группой.

Слэзкин предполагает, что цыгане и грамотные группы посредников вроде евреев или заморских китайцев отличаются не интеллектом, но только тем, выражают ли они свой интеллект через грамотность или устную культуру: «Бизнесмены, дипломаты, врачи и психотерапевты суть грамотные купцы, гонцы, целители и гадатели» (стр. 29) – формулировка, которая не выдержит проверки современными психометрическими данными. На самом деле типичные образцы цыган являются полной противоположностью евреев: малые вложения в свое будущее, низкий коэффициент интеллекта, репродуктивный стиль, характеризующийся высокой плодовитостью, более ранним началом половой жизни и размножения, более непостоянные семейные связи, большее количество детей, воспитывающихся в неполных семьях, более короткие промежутки между рождением детей, более высокий уровень детской смертности, и более высокая степень выживания детей с маленьким весом при рождении. Интеллект для Слэзкина является выбором образа жизни, а не набором процессов, происходящих в мозге, которые лежат в основе обработки информации и на которые оказывает сильное влияние генетическая изменчивость. Как мы увидим, эта формулировка очень полезна для Слэзкина, поскольку он и позже в своей книге основывает на ней свои аргументы.

В своих попытках рисовать очень широкими мазками Слэзкин также игнорирует другие реальные различия среди меркурианцев, особенно, как я считаю, агрессивность евреев в сравнении с относительной пассивностью заморских китай-

цев (хуацяо). И евреи и хуацяо являются очень умными и предприимчивыми людьми, но заморские китайцы не сформировали враждебную культурную элиту в странах Юго-Восточной Азии, где они в основном поселились, и не сконцентрировали в своих руках собственность на СМИ или создание культуры. Мы не читаем о китайских культурных движениях, распространенных в главных университетах и информационных агентствах, которые подвергают радикальной критике традиционную культуру юго-восточных азиатов и их антикитайские чувства, или о китайских организациях, проводящих кампании за удаление из общественных мест культурных и религиозных символов тех народов, среди которых живут зарубежные китайцы. Слёзкин описывает евреев как глубоко вовлеченных в строительство культуры и в политику обществ, где они живут, но ведь роль китайцев совершенно другая. Следующий отрывок, описывающий политические позиции зарубежных китайцев в Таиланде, вероятно, никогда нельзя было бы применить к евреям в западных обществах, начиная с эпохи Просвещения:

«Но, как кажется, немногие знают или действительно интересуются ограничениями на получение гражданства, права национальности и политическую деятельность вообще, и об этих ограничениях совсем мало пишут в китайской прессе. Это просто подчеркивает тот факт, признанный всеми наблюдателями, что зарубежные китайцы беспокоятся, в первую очередь, о том, чтобы зарабатывать себе на жизнь или копить себе состояние, и потому проявляют только пассивный интерес к формальной политической жизни страны, в которой они живут».

Кроме того Слёзкин изображает посредников как специализирующихся на «бесспорно опасных, удивительных и неприятных» (стр. 9), однако необходимых занятиях (стр. 36) – формулировка, в которой есть правдивое зерно, как в местах, где местным жителям было запрещено давать займы деньги в рост. Однако он игнорирует, или, по крайней мере, не в состоянии обстоятельно объяснить ту степень, до которой евреи были добровольными агентами эксплуататорских элит, не только в западных обществах, но ничуть не меньше и в мусульманском мире. Это – всеобъемлющее обобщение, которое можно сделать об экономическом поведении евреев во все века. Их роль вышла далеко за рамки решения задач, которые местные жители считают для себя неподобающими по религиозным причинам; скорее это часто были такие задачи, в которых местные жители были бы сравнительно менее безжалостными при эксплуатации своих соплеменников. Это особенно справедливо для Восточной Европы, где такие экономические меры как откуп налогов, управление поместьями, и монополия на розничную продажу крепких спиртных напитков продлились намного дольше, чем на Западе:

«Так еврейский арендатор стал господином над жизнью и смертью населения целых районов, и, имея только краткосрочный и чисто финансовый интерес к нееврейскому окружению, столкнулся с непреодолимым искушением обчистить своих временных подданных до нитки. В дворянских поместьях он был склонен назначать своих родственников и единоверцев управляющими мельницы, пивоварни, и в особенности кабака (корчмы, «шинка») дворянина, где по обычаю крестьяне обязаны были пить. В церковных владениях он стал сборщиком всех церковных податей, стоя у дверей церкви, чтобы собирать деньги у плательщиков десятины, за крещение младенцев, за венчание молодоженов и отпевание умерших. В [королевских] имениях ..., он действительно стал агентом Короны, взяв на откуп пошлыны, налоги, и суды, и украшая свои притеснения всем высоким достоинством королевской власти».

Вовлеченность евреев в коммунистическую элиту СССР можно рассматривать скорее как вариацию древней темы в еврейской культуре, а не как нечто новое, возникшее из особых обстоятельств большевистской революции. Вместо того чтобы быть добровольными агентами эксплуататорских нееврейских элит, которые были ясно отделены и от евреев и от людей, которыми они управляли, евреи стали закрепившейся частью эксплуататорской и репрессивной элиты, границы групп в которой были размыты. Этому размыванию границ помогли четыре процесса, и Слэзкин описывает их все: отказ от открытой еврейской идентичности в пользу видимости международного социализма, в котором еврейская идентичность и этническая связь были относительно невидимы; стремление к более незаметной позиции, чтобы преуменьшить роль еврейского превосходства (например, Троцкий); евреи стали брать славянские имена; и в ограниченном масштабе стали вступать в смешанные браки с нееврейскими представителями элиты. Действительно, «изобилие еврейских жен» среди нееврейских лидеров, несомненно, усилило еврейскую атмосферу высших уровней советского правительства, учитывая, что все, особенно Сталин, кажется, довольно сильно осознавали этническую принадлежность. Антисемиты, со своей стороны, обвиняли евреев в том, что они «внедрили своих людей в качестве жен и мужей к влиятельным фигурам и чиновникам».

Подчеркивая потребность и неприятность традиционных еврейских занятий, Слэзкин также игнорирует степень, до которой еврейская конкуренция подавила в Восточной Европе формирование среднего класса из среды местных народов. (Это также произошло всюду по Юго-Восточной Азии из-за конкуренции со стороны заморских китайцев.) Вместо этого Слэзкин видит в восточных европейцах, через призму стереотипа, наиболее типичных аполлонийцев, некоторые из которых стали меркурианскими модернистами скорее по той причине, что их принудили к этому обстоятельства, а не потому, что они и так содержали эле-

менты, которые могли бы естественно стремиться к исполнению экономических и культурных функций и могли бы со знанием дела делать это. Но вместо этого эти функции взяли на себя евреи благодаря своей способности создавать этнические монополии на товары и услуги. Когда евреи победили в экономической конкуренции в Польше раннего Нового времени, результатом этого стало то, что значительное большинство поляков опустилось до статуса неквалифицированных сельскохозяйственных рабочих, контролируемых еврейскими управляющими имений в экономике, в которой торговлей, производством и ремеслами в значительной степени управляли евреи. С другой стороны из большинства стран Западной Европы евреи были высланы еще в Средние века. В результате этого, когда там произошла модернизация, она была осуществлена местным средним классом. Если бы, как в Восточной Европе, евреи победили в экономической конкуренции в большинстве этих профессий, то в Англии не было бы нееврейского среднего класса. Можно по-разному представлять себе положение и судьбу той гипотетической Англии, в которой доминировали бы еврейские ремесленники, купцы и промышленники, но кажется разумным предположить, что христианские налогоплательщики Англии сделали хорошее вложение в свое собственное будущее, когда они согласились заплатить королю Эдуарду I огромный налог в сумме 116 346 фунтов в обмен на высылку из Англии двух тысяч евреев в 1290 году.

В то время как труд Слёзкина слишком сильно подчеркивает посредников как социальную потребность, а не как этнических чужаков, конкурирующих за дефицитные ресурсы, он действительно отмечает, что возвышение евреев в СССР произошло за счет немцев, которые были меркурианским меньшинством в дореволюционной России. (Евреев не пускали на территорию собственно традиционной России за пределы т.н. черты оседлости, которая включала Украину, Литву, Белоруссию, Крым и часть Польши.) Из немцев состояла бюрократия Российской Империи, они сформировали большую долю специалистов, предпринимателей и ремесленников, были более грамотны, чем русские, и обладали чувством культурного превосходства и этнической солидарности:

«Используемые как меркурианцы, они, естественно, и воспринимались как таковые. В то время как русский фольклор предпочитает вспоминать сражения со степными кочевниками («татарами»), главными чужаками высокой культуры XIX века были, безусловно, немцы: не те, что жили в Германии и производили тексты, вещи и песни, которые следовало усвоить и превзойти, а свои, внутренние чужеземцы, которые служили России и отдельно взятым русским как портные, ученые, учителя, врачи, гробовщики и губернаторы и которые играли, *mutatis mutandis*, роль головы при русском сердце, разума при Русской душе, сознательности при русской стихийности. Они олицетворяли расчетливость, распорядительность

и дисциплину, чистоплотность, брезгливость и трезвость, бесцеремонность, бестактность и энергичность, сентиментальность, семейственность и отсутствие мужественности (или мужественность, нелепо преувеличенную) ... Насколько парадоксальным бы это ни казалось в свете того, что произошло в XX веке, немцы были, по роду их занятий и символическому значению, евреями Центральной России (а также значительной части Восточной Европы). Или, вернее, русские немцы были для России тем, чем немецкие евреи для Германии – только в гораздо большей степени. Немецкие меркурианцы сыграли такую важную роль в формировании русского культурного самовосприятия, что и их существование, и их внезапное и полное исчезновение воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Отсутствие меркурианцев представляется столь же естественным и постоянным, сколь искусственным и временным кажется их присутствие» (стр. 113-114).

Хотя замена немцев евреями шла полным ходом уже ко времени большевистской Революции, ключевым последствием революции стала замена одной группы меркурианцев – немцев, другой группой – евреями. Различие между евреями и немцами состояло в том, что у евреев была давнишняя интуитивная антипатия, происходившая из прошлых исторических обид, и реальных и предполагаемых, к людям, управлять которыми они прибыли, и к их культуре. На самом деле русские из числа правых националистов восхищались немцами, по крайней мере, до Первой мировой войны. Например, устав одной националистической организации, Союза русского народа Михаила Архангела, выражал «особое доверие к немецкому населению Империи», тогда как его лидер Владимир Пуришкевич обвинял евреев в «непримиримой ненависти к России и всему русскому».

Евреям не нравилась христианская религия, которую исповедовало подавляющее большинство русских, из-за многовекового антагонизма между иудаизмом и христианством; евреи не доверяли крестьянам, которые «впали в немилость» (стр. 140) в глазах интеллигенции после многочисленных антисемитских погромов, особенно после 1880 года; и евреи обвиняли царя в том, что он сделал не все, чтобы контролировать крестьян, и в том, что он ввел различные квоты для профессионального и образовательного роста евреев. Эти квоты тоже были введены в 1880-х годах, и они хоть и замедлили, но отнюдь не остановили рост непропорционально высокой доли евреев в университетах и квалифицированных профессиях. В этом отношении немцы намного больше походили на зарубежных китайцев, в том отношении, что они стали элитой без агрессивно враждебного отношения к людям и культуре, которыми они управляли и в экономике которых доминировали. Зато когда евреи добились власти в России, они стали враждебной элитой с глубоким чувством исторической обиды. В результате они

оказались добровольными палачами и людей и культур, которыми они стали управлять, включая немцев.

После Революции не только евреи были заменены, но произошло также и активное подавление любых остатков старого порядков и их потомков. Евреи всегда демонстрировали тенденцию к повышению своего влияния, из-за их естественных склонностей (например, высокого интеллекта) и сильной этнической сплоченности, но здесь они также воспользовались «антибуржуазными» квотами в образовательных учреждениях и другими формами дискриминации против среднего класса и аристократических элементов старого режима, которые могли бы составить большую конкуренцию евреям. В одном письме, перехваченном советской тайной полицией, отец некоего студента писал, что его сына и их друзей собирались «вычистить из университета по причине их классового происхождения. «Ну ясно, иерусалимские академики останутся, коммунисты, вообще партийные» (стр. 243). У буржуазных элементов из прежнего режима, включая этнических немцев, не было бы никакого будущего. Так массовое убийство крестьян и националистов было объединено с систематическим исключением существующего ранее нееврейского среднего класса. Жена одного ленинградского университетского профессора отмечала, что «во всех учреждениях принимаются рабочие или израильтяне, интеллигенции живется очень тяжело» (стр. 243). Даже в конце 1930-х годов, до русификации, которая сопровождала Вторую мировую войну, «Российская Федерация ... все еще платила по старым имперским долгам и одновременно служила моделью общества, свободного от национальных различий» (стр. 276). В то время как всем другим национальностям, включая евреев, разрешали и поощряли сохранение их этнической идентичности, революция оставалась движением, направленным против этнического большинства населения.

Слэзкин знает о биологической реальности родства и этнической принадлежности, но он остается стойким сторонником модели культурного детерминизма. Он утверждает, что биологические модели этнического непотизма являются неподходящими, потому что некоторые кочевые группы это не группы, основывающиеся на кровном родстве, а скорее «квазисемьи» вроде сицилийской мафии (стр. 35). Но это – разграничение без различия: Почему «естественные» группы кровного родства существенно отличаются от групп, составленных из семей, которые объединяются? Каждый из этих видов групп характеризуется внутренним единством и отчужденностью от внешнего мира (не членов группы – прим. перев.), это черты, которые Слэзкин считает важными, но ведь есть также связи родства и генетическое разделение между «своими» и окружающими народами. Культурные признаки принадлежности к группе и порожденная культурой идеология членства в группе, основанной на кровном родстве – это многовековые методы для цементирования групп кровного родства и создания барьеров,

которые отмечают реальные биологические различия – развитая психология, описанная в современных исследованиях теории социальной идентичности. И, в любом случае, доказуемые генетические различия между прототипическими меркурианцами Слэзкина – евреями, цыганами, и заморскими китайцами – и окружающими их народами требуют биологического анализа.

Кроме того Слэзкин недооценивает силу этноцентризма как объединяющего фактора в еврейской истории. Самым явным образом это проявляется в его обсуждении Израиля, который он описывает как принципиальный разрыв с еврейской традицией, потому что Израиль – типично аполлонийское общество. После того, как западные общества отвергли этнический национализм:

«Израиль продолжал жить в Европе 1930-х годов: только Израиль по-прежнему принадлежал вечно молодым, культивировал атлетизм и немногословие, преклонялся перед огнем сражений и тайной полицией, воспевал дальние походы и юных пионеров, презирал сомнения и самокопание, воплощал нерушимое единство избранных и отвергал большинство черт, традиционно связываемых с еврейством. Реакция на масштаб и характер нацистского геноцида в сочетании с сионистской комсомольской традицией породили воинскую культуру необычайной силы и интенсивности. В еще большей мере, чем националистические и коммунистические движения межвоенной Европы, Израиль был пропитан пафосом: «это не должно повториться», «хватит!», «нам нечего страшиться, кроме самого страха». Прожив две тысячи лет меркурианцами среди аполлонийцев, евреи превратились в единственных аполлонийцев в мире универсального меркурианства (или, вернее, в единственных цивилизованных аполлонийцев в мире меркурианцев и варваров)» (стр. 327, 328).

Но израильтяне, конечно, не отвергали традиционный еврейский этноцентризм и чувство принадлежности к народу. Слэзкин изображает израильтян как просто сделавших выбор в пользу того, чтобы стать этноцентрическими националистами, но этноцентризм (как и интеллект) является биологической системой, а не выбором образа жизни, и традиционные еврейские диаспоры были, конечно, в первую очередь, глубоко и сильно этноцентрическими. Не стоит сомневаться в том, что Израиль и сионизм поощрялись и поощряются и возглавляются наиболее этноцентрическими элементами еврейского сообщества.

Для Слэзкина, как и для очень многих других евреев, моральный долг западных обществ перед евреями оправдывает самые крайние выражения еврейского расизма: «Риторика этнической однородности и этнических депортаций, табуированная на Западе, является обыденным элементом израильской политической жизни. Верно, впрочем, и то, что никакое другое европейское государство не

находится в состоянии перманентной войны. Как верно и то, что никакое другое европейское государство не обладает столь сильным воздействием на моральное воображение Запада» (стр. 364-365). Слёзкин видит моральное табу на европейский этноцентризм, создание нацизма как воплощения абсолютного зла, и жертвование евреями как «Избранного народа послевоенного западного мира» (стр. 366) как просто неизбежные результаты событий Второй мировой войны (стр. 365-366). Фактически, однако, создание и поддержание культуры Холокоста и особых моральных претензий евреями и Израилем – это результат еврейской этнической активности. У этих претензий есть специфическая историческая траектория, они подпитываются специфическими ключевыми событиями, и они поддерживаются специфическими силами. Например, Холокост не подчеркивался в качестве культурного символа до конца 1960-х и начала 1970-х годов, когда образы Холокоста были в большом масштабе внедрены в массовую культуру еврейскими активистами, специально для того, чтобы добиться сплоченной поддержки Израиля в контексте арабо-израильских войн 1967 и 1973 годов.

Подобно этому Слёзкин рассматривает Соединенные Штаты как еврейскую Землю Обетованную точно по той причине, что это государство не определяется родоплеменными признаками, и в нем «нет государственных туземцев» (стр. 369). Но на преобразование Соединенных Штатов в «нацию воли» (т.е. искусственную, предположительную, спроектированную нацию, якобы не имеющую этнических корней – прим. перев.) в более значительной степени повлиял триумф нескольких еврейских интеллектуальных и политических движений, нежели это была естественная и неизбежная кульминация американской истории.

Эти движения все вместе делегитимизировали культурные течения начала двадцатого века, в соответствии с которыми многие американцы воспринимали себя в качестве членов какой-либо очень успешной этнической группы. Например, сторонники ограничения иммиграции 1920-х годов непоколебимо отстаивали право американцев европейского происхождения на землю, которую те завоевали и обустроили. Американцы североευропейского происхождения в Соединенных Штатах думали о себе как о части культурного и этнического наследия, простиравшегося еще со времен основания страны, и у таких авторов как Мэдисон Грант («Закат великой расы») и Лотроп Стоббард («Поднимающийся прилив цветных против всемирного превосходства белых») было множество сторонников. В то время и наука, и господствующая культура верили в реальность расы; в то, что между расами существуют важные различия, в том числе в интеллекте и моральном характере; и в то, что расы, естественно, конкурируют за землю и другие ресурсы.

ЕВРЕЙСКОЕ ПРЕВОСХОДСТВО

Утверждение, будто бы Израиль представляет собой единственное цивилизованное аполлонийское общество, несмотря на его признанный расизм и открытое обсуждение этнических депортаций, демонстрирует веру Слэзкина в моральное и интеллектуальное превосходство евреев. И действительно Слэзкин расценивает и европейский индивидуализм, и европейское этническое государство как имитации существовавших ранее еврейских достижений: «Иначе говоря, европейцы подражали евреям не только в том, что становились современными, [становясь индивидуалистами, взаимодействующими с чужаками] но и в том, что становились древними» [то есть, развивая национальные государства на этнической основе] (стр. 44). Так мы читаем снисходительные пассажи, вроде того, что «Наиболее успешными [среди европейских меркурианцев] в этом отношении были протестанты Макса Вебера, открывшие чопорно безрадостный и морально безукоризненный способ быть евреями» (стр. 41). Этот акт интеллектуальной гимнастики опирается на следующую аналогию: евреи как основанное на этническом принципе племя действуют внутри обществ, рассматривая неевреев как чужаков; европейцы создают племенные национальные (этнические) государства, ведя себя как индивидуалисты внутри своих обществ (рассматривая других европейцев как чужаков). Огульный вывод из этого: евреи поэтому являются прародителями обоих аспектов современности: экономического индивидуализма и основывающегося на этническом принципе национального государства. Холокост тогда произошел потому, что европейское национальное государство, хотя и являлось имитацией еврейства, оказалось не в состоянии так или иначе быть достаточно еврейским: «В руках хорошо вооруженных, насквозь бюрократизированных и не полностью иудаизированных аполлонийцев меркурианская исключительность и разборчивость стали шумно агрессивными. В руках аполлонийцев с мессианскими наклонностями они стали смертоносными – особенно для меркурианцев. «Окончательное решение» еврейского вопроса имеет такое же отношение к традиции, как и к современности» (модерну – прим. перев.) (стр. 46).

Но это огромная натяжка, чтобы на основе аналогии – и к тому же довольно шаткой – приводить аргументы о фактической имитации и влиянии. (И мы даже не знаем, что можно сказать о его утверждении, будто бы европейцы устроили Холокост, потому что они стали несовершенными евреями.) Слэзкин не в состоянии представить какие-либо свидетельства того, что существует что-то еще, помимо туманной и притянутой за уши логической связи между европейским индивидуализмом и ролью евреев как людей диаспоры, живущих среди иноплеменников. Действительность состоит в том, что, становясь индивидуалистами, западноевропейцы возвратились к отличительным корням, похороненным в их первобытном прошлом, тогда как еврейство, из-за своего глубокого укоренен-

ного трайбализма, рассматривалось большинством интеллектуалов Просвещения как устаревший пережиток. Действительно, несколько еврейских комментаторов отметили, что формы еврейства после эпохи Просвещения были по существу ответами на коррозионные эффекты европейской цивилизации, с ее акцентом на индивидуализм и этническую ассимиляцию, на еврейство как базирующуюся на этническом принципе коллективистскую группу – что ранний сионист Артур Руппин описал как «разрушительное влияние европейской цивилизации» на еврейство из-за ее тенденции ломать барьеры между группами и, в конечном счете, привести к ассимиляции и смешанным бракам. Кроме того, как отмечает Слэзкин, евреи на самом деле вовсе не индивидуалисты. Даже в современном мире, племенной подход евреев в экономических предприятиях использует этническое родство в качестве центрального компонента, тогда как индивидуалистический подход европейцев рассматривает это как нечто незаконное (стр. 43). Вывод из этого состоит в том, что смешно утверждать, будто бы евреи являются индивидуалистами, потому что они рассматривают посторонних как индивидуумов, признавая при этом, что они сохраняют сильное сознание принадлежности к группе с общими интересами и являются мастерами сети этнических связей.

Однако нет никакой натяжки в том, чтобы показать, что евреи достигли исключительного положения в Европе и Америке, и Слэзкин предоставляет нам статистику еврейского доминирования, на которое только смутно намекают приведенные ниже примеры из Европы с конца девятнадцатого века до подъема национал-социализма. Австрия: на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков евреи управляли всеми банками в Вене за исключением лишь одного, и евреи составляли 70% членов совета фондовой биржи; Венгрия: еврейские банкирские семьи управляли от 50 до 90 процентов всей промышленности, и 71% самых богатых налогоплательщиков составляли евреи; Германия: процент евреев в экономической элите был в 33 раза выше их доли от численности населения. Подобное непропорционально высокое преобладание также можно было найти в получении образования и среди профессионалов (например, евреи составляли 62% адвокатов в Вене в 1900 году, 25% в Пруссии в 1925 году, 34% в Польше, и 51% в Венгрии). Действительно, «университеты, «свободные» профессии, салоны, кофейни, концертные залы и художественные галереи Берлина, Вены и Будапешта наполнились евреями до такой степени, что либерализм и еврейство стали почти неразличимыми» (стр. 63).

Слэзкин документирует хорошо известный факт, который подметил еще Мориц Гольдштейн в 1912 году в своем знаменитом высказывании: «Мы, евреи, управляем духовным достоянием Германии». Однако он расценивает еврейское культурное господство, не только в Германии, но и всюду в Восточной Европе и в Австрии, как очень мягкое и благоприятное: «Любовь светских евреев к Гёте,

Шиллеру и прочим Пушкиным – а также к северным лесам, которые они представляли, – была искренней и нежной» (стр. 68). Их единственным грехом было то, что их любовь к культурным символам выходила за национальные и этнические ограничения в эпоху популярного национализма, например, их поощрение немецкой культуры среди чехов, латышей и румын. Но это далеко не полная история. Евреи не были просто поклонниками Пушкина и Гёте. Главной темой антисемитских позиций было то, что евреи были глубоко вовлечены в создание «культуры критики» – что еврейское влияние на культуру было полностью отрицательным и разрушило социальные связи народов, среди которых они жили. Слёзкин цитирует Генриха Гейне в качестве главного примера еврейского интеллектуала с искренней и нежной любовью к немецкой культуре, но немцы, от Вагнера до фон Трейчке, Чемберлена и Гитлера, видели это совсем иначе. Например, профессор Генрих фон Трейчке, видный немецкий интеллектуал девятнадцатого века, жаловался на «насмешки Гейне над немецким унижением и позором после Наполеоновских войн» и утверждал, что у Гейне не было «никакого чувства стыда, лояльности, правдивости, или почтения». Не упоминает он и комментария фон Трейчке о том, что те «насмешки и сатирические замечания, которые пишут еврейские журналисты, буквально отвратительны»; «о недостатках немцев [или] французов каждый может свободно говорить самые ужасные вещи; но если кто-то посмеет даже в самом беспристрастном и умеренном тоне сказать что-то о какой-либо бесспорной слабости еврейского характера, то почти во всех газетах его немедленно заклеят как варвара и религиозного преследователя». Такие взгляды преобладали среди антисемитских авторов и активистов, достигнув своего апогея в национал-социализме в Германии.

Все же для Слёзкина, если евреи действительно боролись против различных национальных культур – и, в конце концов, он признает, что они это делали – то это было только потому, что они поняли, что их меркурианское мировоззрение было выше: «И кому охота превращаться в тупых крестьян – тем более теперь, когда сами крестьяне готовы признать ошибочность своего образа жизни?» (стр. 74). Евреи не были признаны законными хранителями национальной культуры, но их недостаточное признание означает только то, что они действительно современны: «Лишенные утешений собственного племени и не допускаемые в новые сообщества, созданные их аполлонийскими соседями, они стали единственными подлинно современными людьми» (стр. 75). Это утверждение буквально понимает идею, будто бы светские евреи, которые стали хранителями и главными создателями культуры, перестали обладать еврейской идентификацией. Слёзкин не в состоянии представить хоть какие-нибудь доказательства этого своего утверждения, и на самом деле есть множество доказательств того, что это его утверждение ошибочно.

Главным оружием, которое евреи использовали против национальных культур, были две наиболее типичные современные идеологии, марксизм и фрейдизм. Обе они «вступили в бой с национализмом на его собственной территории, предложив способы преодоления нового меркурианского одиночества (и в конечном счете трагизма всей земной жизни); обе противопоставили дедовской клановости национализма современный (научный) путь к целостности существования; обе соперничали с национализмом в готовности обосновать базовые принципы современных государств (социалистических, с одной стороны, капиталистического благосостояния – с другой); и обе превзошли национализм в способности точно определить источник мирового зла и гарантировать спасение, которое было бы одновременно конкретным и всеобщим» (стр. 80).

Слэзкин правильно рассматривает обе эти идеологии как именно еврейские идеологии, функционирующие как организованные религии со священными текстами, обещающими избавление от земного тяжелого труда. Хотя большая часть его книги подробно излагает появление еврейской элиты под знаменем марксизма в Советском Союзе, стоит упомянуть и его комментарии о психоанализе. Психоанализ «перебрался в Соединенные Штаты, чтобы укрепить демократическую гражданственность новой крепкой подпоркой. ... В Америке, где общенациональная племенная метафора не могла опираться на теорию общности происхождения, фрейдизм пришелся очень кстати», создавая явно «Терапевтическое Государство – то, что распределяет духовные блага наряду с социальным обеспечением» (стр. 79-80). Созданию открыто Терапевтического государства очень помогло еще одно еврейское интеллектуальное движение, Франкфуртская школа, объединившая психоанализ и марксизм. Результатом стала культура критики, которая не только в существенной мере была нацелена на делегитимизацию прежней американской культуры, но даже пыталась изменить или стереть саму человеческую природу: «Статистическая связь между «еврейским вопросом» и надеждой на превращение человечества в новый вид представляется довольно основательной» (стр. 90).

И когда люди не хотят добровольно превращаться в новый вид, всегда можно прибегнуть к убийству. Слэзкин описывает Вальтера Беньямина, символ Франкфуртской школы и любимца нынешнего выводка постмодернистских интеллектуалов, «с очками на носу, осень в душе и убийством в сердце» (стр. 216), комментарий, который иллюстрирует тонкую грань между убийством и критикой культуры, особенно когда ею занимаются этнические чужаки. Действительно в другом случае Беньямин заявлял, «Ненависть и дух жертвы ... питает образ поработанных предков, а не образ освобожденных внуков». Хотя Слэзкин преуменьшает этот аспект еврейской мотивации, плаксиво-сентиментальное восприятие евреями своей истории – их образы поработанных

предков – было мощным фактором мотивации ненависти, высвобожденной переворотами двадцатого века.

Слэзкин абсолютно прав в том, что марксизм, психоанализ, и Франкфуртская школа были по сути еврейскими интеллектуальными движениями. Однако ему не удалось в какой-либо степени подробно рассказать о том, как эти идеологии послужили специфическим еврейским интересам, в самом общем понимании – в борьбе с антисемитизмом и ниспровергании этнического самосознания среди европейцев. Но на самом деле главная исходная посылка всего его труда – еврейские радикалы, мол, вообще не были евреями.

БЫЛИ ЛИ ЕВРЕЙСКИЕ РАДИКАЛЫ ЕВРЕЯМИ?

Слэзкин подробно рассказывает о непропорционально высокой доле евреев среди левых радикалов в Европе и Америке. Его попытки объяснить это охватывают некоторые уже давно знакомые причины: интеллектуальную оппозицию евреев устоявшемуся порядку, следующую из их маргинального социального положения (Торстен Веблен); еврейские левые взгляды как светская, унифицированная форма традиционного еврейского мессианизма и рационализма, в котором еврейские левые рассматриваются как потомки ветхозаветных пророков, призывающих к социальной справедливости (Лев Яковлевич Штернберг, выдающийся этнограф, «гуру» советских антропологов); еврейские коммунисты как воссоздание традиционных еврейских культурных форм – особенно библейской интерпретации и интенсивных отношений между учителем и учеником – в коммунистической обстановке (историк Джефф Шатц). Собственный вклад Слэзкина состоит в утверждении, будто еврейские радикалы восстали против своих семей, отвергая «мир своих отцов, потому что он казался им олицетворением связи между иудаизмом и антисоциализмом (воспринимаемым как меркантилизм, домострой и клановость). ... главной причиной общего для них отвращения было подозрение, что капитализм и еврейство – это одно и то же» (стр. 96, 98). «Большинство еврейских бунтарей боролись с государством не для того, чтобы стать свободными евреями; они боролись с государством для того, чтобы стать свободными от еврейства – и, таким образом, Свободными» (стр. 152).

Это, конечно, очень полезная теория, полезная потому, что она отрицает, что еврейские радикалы вообще были евреями, что фактически они были антиевреями (если даже и не «антисемитами», вот в этом-то и загвоздка). Когда Слэзкин затем продолжает рассказывать о роли евреев как элиты в самом кровавом режиме в европейской истории, нас убеждают поверить, что единственная связь тех евреев с еврейскостью является чисто генеалогической: российские еврейские радикалы, поклонники Пушкина и Толстого (Шандора Петёфи и Гёте), иде-

алистически, бескорыстно и самоотверженно намереваются создать светскую утопию социальной справедливости, преодолевая аполлонийскую отсталость, как раз тогда, когда они отвергли свое еврейское происхождение и вообще все еврейское.

Его доказательства этого являются довольно скудными, но даже из примеров, которые Слёзкин использует, чтобы проиллюстрировать свой тезис, ясно, что эти еврейские радикалы ненавидели все в своих национальных культурах за исключением одного или двух литературных деятелей. Остальные должны были исчезнуть. В качестве самого веского довода Слёзкин представляет Дьёрдя Лукача, сына видного еврейского капиталиста, который описывает свое глубокое недовольство образом жизни своего отца. Но Лукач также выражает свою ненависть ко «всей официальной Венгрии» – некритически обобщил это чувство отращения, без разбора распространив его на всю мадьярскую жизнь, мадьярскую историю и мадьярскую литературу (сделав исключение для Петёфи)» (стр. 97). Ах, да, сделав исключение для Петёфи. Все остальное – люди и культура – должно было исчезнуть: в случае необходимости даже с помощью массовых убийств. (Лазарь Каганович, самый кровожадный еврейский массовый убийца сталинской эпохи, как изображено в книге Слёзкина, вспоминал в конце жизни, как он впитывал начатки культуры, «самостоятельно» читая «имевшиеся отдельные сочинения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Л. Толстого, Тургенева» [стр. 97-98].) Но вместо того, чтобы рассматривать это как аспект традиционной еврейской ненависти к неевреям и их культуры, усиленной и рационализированной с помощью внешней оболочки марксизма, Слёзкин объясняет этих радикалов как просвещенных меркурианцев, которые, мол, хотели разрушить старую культуру за исключением нескольких классиков современной литературы. Мы можем поблагодарить за то, что знаем, что Шекспир пережил бы революцию.

Другой пример Слёзкина – Лев Копелев, советский писатель, который был свидетелем украинского Голодомора и рационалистически объяснял его как «историческую необходимость»: «Время требовало твердости: согласно Льву Копелеву, который помогал отбирать хлеб у украинских крестьян, наблюдал последовавший за этим голод и попытался, много лет спустя, восстановить свои тогдашние ощущения, «нельзя поддаваться расслабляющей жалости. Мы вершим историческую необходимость. Исполняем революционный долг. Добываем хлеб для социалистического отечества. Для пятилетки» (стр. 230). Слёзкин категорически заявляет, что Копелев не идентифицировал себя как еврея, но его собственный материал указывает на сложность этого вопроса. Копелев называл себя «евреем» в советских документах: в анкетах и в паспорте, «но лишь потому, что не хотел считаться «трусливым отступником» и – после Второй мировой войны – потому, что не хотел отречься от тех, кого убили только за то, что

они евреи» (стр. 241). Для внешнего мира Копелев – гордый еврей, но для своих близких друзей – в его «глубине души» – он – только коммунистический и советский патриот. Но, конечно, многие из его близких друзей были этническими евреями, и он не проливал слезы за украинских и русских крестьян и националистов, которые были убиты во имя международного социализма, но при этом оплакивал гибель евреев, убитых за то, что они были евреями. К началу Второй мировой войны он стал «ведущим идеологом русского патриотизма» (стр. 279), «начал все острее ощущать обиду, а временами даже боль за Россию, за русскую историю и русское слово» (стр. 280), когда он старался сплотить русских для борьбы с немцами. Русский патриотизм внезапно стал полезным, в той же степени, как я сказал бы, что и использование патриотизма и уважения к военной службе среди американцев было полезным для еврейских неоконсерваторов, стремящихся перестроить политику США на Ближнем Востоке в интересах Израиля. Идеология – это удивительно эффективный инструмент на службе самообмана (или обмана).

Вероятно, более типичным для еврейской идентичности большевиков является рассказ Виталия Рубина, видного философа и этнического еврея, который вспоминал свою карьеру в лучшей московской школе в 1930-х годах, где больше половины школьников были евреями:

«Понятно, что еврейский вопрос там не возникал. И не только в негативно антисемитском его смысле – он не возникал вообще. Все евреи знали, что они евреи, но считалось, что все относящееся к еврейству – это дело прошлого. Я вспоминаю свое отношение к рассказам отца о его детстве, о хедере [еврейская начальная школа] и о традиционном еврейском воспитании как о чем-то канувшем в Лету. Ко мне все это отношения уже не имело. При этом, правда, не было никакого активного намерения отказываться от своего еврейства. Этот вопрос просто не стоял» (стр. 253-254).

У этих евреев ясно есть еврейская идентичность, но они были удалены от традиционных еврейских религиозных культурных форм. В таком преобладающе еврейском окружении у них не было никакой потребности отказываться от своей еврейской идентичности и никакой потребности настойчиво бороться за еврейские интересы, потому что они достигли элитного статуса. И все же, именно перед Второй мировой войной, когда русские начали заменять евреев среди политической элиты, и возник нацизм как официально антисемитская идеология, откровенная еврейская идентичность появилась повторно. После Второй мировой войны Израиль начал притягивать к себе евреев, что очень огорчало подозрительного Сталина. Приезд в Москву Голды Меир в 1948 году и пробужденные этим приездом излияния поддержки советскими евреями сионизма, стали переломным событием для советских евреев. Сталин отреагировал на это, начав

кампанию против видных публичных фигур среди евреев и против идишской культуры.

В этом отношении интересно, что ведущие выразители официальной советской позиции относительно антисемитизма были этническими евреями, но с именами, звучавшими не по-еврейски: Емельян Ярославский (Губельман) и Юрий Ларин (Лурье). «Национальность Емельяна Ярославского (Губельмана) и Юрия Ларина (Лурье) не была общеизвестна; оба были официальными советскими борцами с антисемитизмом, и оба говорили о евреях в третьем лице» (стр. 245), как будто сами они не были евреями. Но когда Ларин попытался объяснить тот вызывающий смущение факт, что евреи были непропорционально сильно представлены среди элиты в Советском Союзе, были «слишком заметными, избыточными, доминирующими и так далее» (стр. 251), он упомянул «необычно сильно развитое чувство солидарности и склонности к взаимопомощи и поддержке» (стр. 252) – другими словами, сеть этнических связей и взаимопомощи.

Очевидно, «взаимопомощь и поддержка» требуют, чтобы евреи признавали друг друга евреями. Возможно, о еврейской идентичности не особенно говорили, но она, тем не менее, работала, пусть даже подсознательно, в изысканных кругах на верху советского общества. Об одном примере, о котором не упоминает Слэзкин, говорится в докладе 1950 года Центральному комитету о деятельности евреев в авиапромышленности:

«На ряде важнейших участков ЦАГИ (Центрального аэрогидродинамического института им. Жуковского) находятся люди, которых по политическим соображениям следовало бы заменить. Они группируют вокруг себя лиц одной национальности, насаждают нравы восхваления друг друга, создавая ложное мнение о незаменимости, протаскивая «своих людей» на руководящие должности».

Действительно, нет никакого другого способа объяснить чрезвычайно высокую долю евреев всюду в элитных учреждениях, которая стала очевидной с началом чисток в конце 1940-х годов (см. ниже). Высокого уровня интеллекта и мотивации к достижениям недостаточно, чтобы объяснить, почему, например, в конце 1940-х годов евреи составляли 80% членов Института литературы советской Академии наук («Пушкинский дом») (стр. 302), 42% директоров московских театров, почему более половины советских директоров цирка (стр. 301) или семь из десяти ведущих режиссеров Большого театра были евреями. В случае «Пушкинского дома», противники доминирующей клики заявляли, что это было достигнуто с помощью «длительных связей семей и друзей, взаимной протекции, гомогенного (еврейского) национального состава, и антипатриотических (антирусских) тенденций».

Факт состоит в том, что еврейская идентичность всегда становится более существенной, когда евреи ощущают угрозу для себя или чувствуют, что их интересы как евреев оказываются под угрозой, но еврейская идентичность как бы «погружается под воду», становится скрытной, уходит на задний план, когда еврейские интересы совпадают с интересами и идентичностями других народов, среди которых они живут. (Это верно и для всех остальных людей и по-видимому объясняет тот факт, что отцы-основатели США не чувствовали потребности тщательно определять культурные и этнические параметры их создания; они предполагали расовую и культурную однородность Республики и не чувствовали угрозы контролю ее ими самими и их потомками.) Относительное «погружение под воду» еврейской идентичности внутри еврейского окружения в элитных кругах Советского Союза в 1920-х и 1930-х годах – это плохой индикатор того, идентифицировали ли бы себя эти люди как евреи или нет, и стали ли бы они идентифицировать себя как евреи, когда в более поздние годы еврейская и советская идентичность начали расходиться, когда национал-социализм снова подчеркнул еврейскую идентичность, или когда возник Израиль в качестве маяка для еврейского самосознания и лояльности. Подобную позицию можно наблюдать среди современных еврейских неоконсерваторов, которые утверждают, что Соединенные Штаты глубоко заинтересованы в демократизации Ближнего Востока. Слияние их интересов как евреев при поддержке политики израильских правых и их истолкования американских интересов позволяет им скрывать или даже отрицать значимость своей еврейской идентичности, изображая из себя американских патриотов. Но если бы израильская и американская политика начали существенно расходиться, то еврейские интересы почти наверняка руководили бы их позициями и поведением. И действительно, так как разнообразный неоконсервативный сионизм партии Ликуд хорошо известен своей поддержкой конфронтации между США и всем мусульманским миром, их политические рекомендации лучше всего вписываются в модель лояльности своей этнической группе, но не Америке.

В одной моей предыдущей работе я привел несколько оснований для предположения о том, что евреи в СССР продолжали идентифицировать себя как евреи, и работа Слэзкина не бросила вызов ни одному из них: (1) Люди были классифицированы как евреи на основе своего этнического происхождения, по крайней мере, частично из-за остаточных антисемитских настроений; это склонялось к тому, чтобы налагать еврейскую идентичность на этих людей и затруднять им принимать какую-либо исключительную идентичность в качестве члена более многочисленной, более широкой политической группы. (2) Многие еврей-большевики, такие как члены Евсекции (Еврейская секция Коммунистической партии) и Еврейского Антифашистского Комитета, настойчиво стремились к созданию светской еврейской субкультуры; эти явления Слэзкин фактически проигнорировал. (3) Очень немногие евреи левых убеждений предполагали после-

революционное общество без продолжения существования еврейства как группы; действительно, преобладающей идеологией среди евреев левых взглядов было то, что послереволюционное общество положит конец антисемитизму, потому что оно привело бы к прекращению классового конфликта и покончило бы с заметностью специфических еврейских занятий. (4) Поведение американских коммунистов показывает, что еврейская идентичность и приоритет еврейских интересов над коммунистическими интересами были банальным явлением среди людей, которые были этнически еврейскими коммунистами. (5) Существование еврейских «криптидов» (скрытых, незаметных, тайных евреев) в другие времена и в других местах было объединено с возможностью, что самообман, идентификационная гибкость и идентификационная амбивалентность являются важными компонентами еврейства как групповой эволюционной стратегии.

И, наконец, несмотря на рационалистические объяснения многими советскими евреями и Слэзкиным своей еврейской идентичности, именно кровь имела значение. К началу Второй мировой войны, большинство евреев

«знали, что они – в определенном смысле – евреи. Многие из них никогда не были в синагоге, не видели меноры, не говорили на идише, не слышали о Касрилевке и не пробовали фаршированной рыбы. Но они знали, что они евреи в советском смысле, который был также, в конечном счете, нацистским и традиционно еврейским. Они были евреями по крови» (стр. 286).

Они снова появились как евреи для борьбы с нацистами и просили американских евреев о поддержке, чтобы те оказали давление на американское правительство, дабы США вступили в войну и предоставили помощь Советскому Союзу. Еврейские представители посетили Нью-Йорк, заявляя, что «евреи – 'этнические' или религиозные, коммунистические, сионистские, или приверженные традиции – были одной семьей» (стр. 290).

Кроме того Слэзкин не учитывает огромное количество доказательств, противоречащим его тезису, согласно которому еврейский радикализм был «отцеубийством», доказательств, указывающих на то, что еврейские радикалы в общем действительно идентифицировали себя как евреи и действовали в целях содействия специфически еврейским интересам. Конечно, еврейские радикалы часто отвергали религию своих отцов и их образ жизни, но все доказательства указывают на то, что они по-разному воспринимали себя как евреев, не теряя свою еврейскую идентичность, чтобы стать лишенными этнической принадлежности борцами против капитализма. Слэзкин использует Франца Боаса, чтобы проиллюстрировать свою теорию «отцеубийства», потому что Боас был радикальным евреем, который признавал «кандалы традиции» (стр. 98). Но он не заметил,

что Боас вряд ли бунтовал против своей собственной семьи. Боас был воспитан в «еврейско-либеральной» семье, в которой революционные идеалы 1848 года оставались влиятельными, и есть достаточные доказательства его сильной еврейской самоидентификации и обеспокоенности антисемитизмом.

Помимо нескольких отдельных случаев, таких как Лукач и Боас, единственное общее доказательство, которое представляет Слэзкин в поддержку своего тезиса отцеубийства, следует из исследования Джеффа Шатца о поколении еврейских коммунистов, доминировавших в коммунистическом движении в Польше, начиная с 1930-х годов. Но его пересказ труда Шатца является несколько искаженным. Эти евреи действительно отвергали религию своих родителей, но результатом их воспитания в идишской среде и культуре был «глубокий внутренний стержень их идентичности, ценностей, норм и взглядов, с которыми они вступили в бунтарский период своей юности и взрослую жизнь. Этот стержень должен был быть преобразован в процессы аккультурации, секуляризации, и радикализации иногда даже на грани явного отвержения. Однако именно через этот глубокий слой фильтровались все более поздние восприятия». Большинство этих людей говорили на идише в их повседневной жизни и лишь слабо владели польским языком даже после вступления в партию. Они всецело общались с другими евреями, которых они встречали в еврейском мирке работы, соседства, и еврейских общественных и политических организаций. После того, как они стали коммунистами, они ходили на свидания и вступали в брак среди своих, и их общественные собрания проводились на идише. Их наставниками и людьми, оказывавшими на них основное влияние, были другие этнические евреи, включая в особенности Розу Люксембург и Льва Троцкого, и когда они вспоминали своих личных героев, то таковые были главным образом евреями, деяния которых достигали полумифических масштабов.

Вообще евреи, которые присоединились к коммунистическому движению, не отвергали в первую очередь свою этническую идентичность, и среди них были многие, кто «лелеял еврейскую культуру ... [и] мечтал об обществе, в котором евреи будут равны как евреи». Этим людям было свойственно объединять сильную еврейскую идентичность с марксизмом так же как с различными комбинациями сионизма и бундизма (движение еврейских социалистов). Кроме того привлекательность коммунизма для польских евреев была очень облегчена их знаниями о том, что евреи достигли высокого положения во власти и влияния в Советском Союзе, и что советское правительство создало систему еврейского образования и культуры. И в Советском Союзе и в Польше коммунизм рассматривался как противостоящий антисемитизму. В явном контрасте с этим польское правительство в 1930-х годах осуществляло политику, которая исключала евреев из занятости в общественном секторе, вводило квоты для евреев при поступлении в университеты и для занятия определенными профессиями, и орга-

низовало бойкоты еврейских фирм и ремесленников. Понятно, что евреи воспринимали коммунизм как добро для евреев, и действительно большой вклад книги Слёзкина состоит в том, что он отметил и документально доказал, что коммунизм *был* добром для евреев: Это было движение, которое никогда не угрожало целостности и непрерывному существованию еврейской группы, и оно обещало еврейскую власть и влияние, и конец поддерживаемого государством антисемитизма. И когда эта группа после Второй мировой войны добилась власти в Польше, они ликвидировали польское националистическое движение, поставили антисемитизм вне закона, и создали еврейские культурные и экономические учреждения.

Слёзкин также не отметил того, что в Соединенных Штатах сильная еврейская идентификация была типична для еврейских радикалов, и что поддержка евреями левых, как правило, усиливалась и ослабевала в зависимости от специфических еврейских проблем, особенно связанных с антисемитизмом и поддержкой Израиля. Евреи среди Старых левых были признанной частью еврейского сообщества, и из американских левых 1960-х годов только евреи были единственными левыми, которые не отвергали своих родителей – они действительно были «младенцами в красных пеленках».

Также примечательно, что революционное движение в царской России перестало быть антисемитским, когда евреи достигли очень заметных и видных позиций в этом движении, даже при том, что рабочие и крестьяне с 1880 по 1905 годы участвовали в антисемитских погромах и продолжали питать антисемитские чувства. Как отмечает сам Слёзкин, евреи были единственной группой, которую не критиковало революционное движение (стр. 157), даже с учетом того, что у большинства русских, и особенно из низших классов, интересы которых революционеры предположительно защищали, было весьма отрицательное отношение к евреям. Когда в 1915 году писатель Максим Горький, сильный филосемит (юдофил), опубликовал анкету, посвященную «еврейскому вопросу», наиболее распространенный ответ был сформулирован читателем из Калуги: «Врожденный жестокий, последовательный эгоизм еврея всюду берет верх над добродушным, малокультурным, доверчивым русским крестьянином и купцом» (стр. 159). Существовали опасения, что вся Россия перейдет в еврейские руки, и что русские превратятся в рабов евреев. В конечном счете, как показывает Слёзкин, в результате революции это предсказание оказалось не очень далеко от реальности. Но в любом случае, можно было бы предположить, что, если бы радикальные евреи действительно прекратили быть евреями, то они высказывали бы суровую критику роли евреев в дореволюционной экономике.

Другой огромный пробел в изложении Слёзкина – это то, что он изображает еврейских радикалов, как правило, как потомков успешных еврейских капитали-

стов – вроде Дьёрдя Лукача – которые презирают своих отцов и не желают нечего иного, кроме как разрушить еврейство, чтобы достичь личной свободы и сделать мир безопасным для человечества: «Марксизм приписал ее [еврейскую склонность к отцеубийству] пролетариату и призвал к убийству (более или менее метафорическому) всех плохих отцов в надежде спасти мир от иудаизма и избавить всех будущих детей от необходимости убивать своих родителей» (стр. 100). Поскольку он хочет изобразить евреев как типичных современных меркурианцев, Слёзкин неоднократно показывает, как евреи доминировали в экономике, в университетах, и в культуре Восточной Европы, на самом деле его книга, вероятно, представляет собой самый лучший из существующих на сегодняшний день, самый современный рассказ об исключительном положении евреев в экономике и культуре в Европе (и в Америке). Но это еще далеко не вся история. Главной силой, приведшей к еврейскому радикализму, была тягостная бедность большинства евреев в Восточной Европе. Евреи вышли за пределы своей экономической ниши: Экономика была неспособна поддержать сильно размножившееся еврейское население в тех позициях, которые евреи традиционно заполняли, так что в итоге большой процент еврейского населения погряз в бедности (наряду с намного более высокими процентами нееврейского населения). Результатом стало кипение этнической враждебности, с правительственными ограничениями еврейской деловой активности и квотами для евреев в образовательных учреждениях, безудержный рост антисемитских настроений, и усиление еврейского отчаяния.

Главным еврейским ответом на эту ситуацию был рост фундаменталистского экстремизма, который объединился в хасидском движении и, позже в девятнадцатом веке, в политическом радикализме и сионизме как способе решения еврейских проблем. Слёзкин посвящает лишь одну строчку тому факту, что у еврейского населения в Восточной Европе в девятнадцатом веке был самый высокий уровень естественного роста в сравнении с любым другим европейским народом (стр. 115), но это было чрезвычайно важной частью «еврейской проблемы» Восточной Европы. Антисемитизм и взрывной рост еврейского населения, объединенные с бедственной экономической ситуацией, были жизненно важны для того, чтобы породить огромное количество недовольных евреев, которые мечтали об избавлении в различных мессианских движениях – в этноцентрической мистике каббалы и хасидизма, в сионизме, или в мечтах о марксистской политической революции. Евреи в большом количестве эмигрировали из Восточной Европы, но проблемы оставались. И в случае с марксистами главное избавление должно было быть достигнуто не путем убийства еврейства, как предполагает Слёзкин, а с помощью разрушения традиционных обществ Восточной Европы как панацеи от еврейской бедности и от антисемитизма.

Фактически подавляющее большинство евреев в Восточной Европе в конце девятнадцатого и в начале двадцатого века едва ли были современными, модернистскими меркурианцами в том смысле, в котором описывает их Слэзкин. Слэзкин действительно отмечает, что вплоть до начала двадцатого века включительно огромное большинство восточноевропейских евреев не умело говорить на языках неевреев, живущих вокруг них, и он очень хорошо показывает их сильное чувство групповой принадлежности и их взгляды, согласно которым неевреи были как бы не совсем полноценными людьми. Но он игнорирует их средневековый взгляд на жизнь, их одержимость каббалой (писаниями средневековых еврейских мистиков), их суеверие и антирационализм, и их веру в «волшебные средства, амулеты, изгнание нечистой силы, одержимость демонами (dybbuk), веру в призраков, чертей, и в дразнящих, вредных духов. Эти якобы современные меркурианцы абсолютной верили в личность цадика, своего раввина, который был харизматической фигурой, и его последователи видели в нем буквально персонификацию Бога в земном мире. (Влечение к харизматическим лидерам – это фундаментальная особенность еврейской социальной организации, очевидная как среди религиозных фундаменталистов, так и среди еврейских политических радикалов или элитных еврейских интеллектуалов.)

БОЛЬШЕВИЗМ КАК ЕВРЕЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Главный вклад Слэзкина должен свести воедино доступные ранее данные и расширить наше понимание еврейского доминирования в революционных движениях до 1917 года, и в советском обществе после этого. (Странно, что он делает только мимолетную ссылку на важную книгу Альберта Линдемана «Слезы Исава», которая рассматривает многие из тех же вопросов.) Евреи были не только непропорционально сильно представлены среди революционеров, они «были особенно хорошо представлены на самом верху, среди теоретиков, журналистов и вождей» (стр. 155). Радикальные евреи, как и другие евреи, были очень талантливы, очень умны, трудолюбивы, и кроме того посвятили себя созданию эффективных этнических сетей. Эти особенности помогли им подняться в руководство радикальных организаций и сделать сами эти организации более эффективными.

Но если евреи доминировали в радикальных и революционных организациях, им оказывалась огромная поддержка со стороны юдофилов, таких как Горький, которые, по определению Альберта Линдемана, были «ожидовленными неевреями» – «термин, освобожденный от его уродливых коннотаций, который мог бы использоваться, чтобы подчеркнуть часто упускаемую мысль: Даже в России были некоторые неевреи, как большевики, так и нет, которые уважали евреев, щедро расхваливали их, подражали им, заботились об их благосостоянии, и за-

вязывали с ними близкую дружбу или романтические отношения». (Как отмечено выше, у многих членов нееврейской элиты в СССР были еврейские жены.) Что объединяло евреев и юдофилов было их ненавистью к тому, что Ленин (дед которого был евреем) называл «тупым, заскорузлым, оседлым и медвежье-диким мужиком великороссом или украинцем» – тот же самый крестьянин, которого Горький описывал как «дикого, сонного, приросшего к своей куче навоза»» (стр. 163). Именно такие взгляды создали климат, который оправдывал кровавую бойню многих миллионов крестьян при новом режиме. Юдофилы продолжали быть распространенным явлением среди нееврейской элиты в СССР, даже в 1950-х годах, когда евреев начали преследовать как евреев. Одним из таких юдофилов был Павел Судоплатов, славянин, который женился на еврейке и имел множество друзей-евреев, высокопоставленный чиновник советской тайной полиции, на руках которого много крови. Единственным убийством, которое он недвусмысленно осудил в своих мемуарах, было убийство Соломона Михоэлса, еврейского актера и этнического активиста, связанного с Еврейским Антифашистским Комитетом.

Такие фигуры как Горький и Судоплатов были очень важны для успеха евреев в Советском Союзе. Это общий принцип еврейской политической деятельности в ситуации диаспоры: так как евреи, как правило, составляют лишь крошечную часть общества, в котором живут, они должны заключать союзы с неевреями, осознанные интересы которых соответствуют их интересам. У неевреев есть множество причин для того, чтобы быть связанными с еврейскими интересами, включая карьерный рост, близкие личные отношения или восхищение отдельными евреями, и прочные личные убеждения.

Любовь Горького к евреям – которую Слёзкин называет «горькой, горячей и безнадежной любовью раскаявшегося аполлонийца к прекрасным меркурианцам» (стр. 165) – была безгранична. Горький рассматривал евреев как обладателей «героического» идеализма, «все проверяющих, все исследующих». «Этот идеализм, выражающийся в неустанном стремлении к переустройству мира на новых началах равенства и справедливости, – главная, а может, и единственная причина вражды к евреям» (цитируется на стр. 164).

Несмотря на важную роль евреев среди большевиков, большинство евреев до революции не были большевиками. Однако евреи были заметными фигурами среди большевиков, и как только революция пошла полным ходом, огромное большинство российских евреев стало сочувствующими и активными участниками революционного процесса. Евреи были особенно заметны в городах и как руководители в армии и в революционных советах и комитетах. Например, во Всероссийском Центральном исполнительном комитете, избранном на Втором съезде Советов в октябре 1917 года, из 62 большевиков 23 были евреями.

Евреи были лидерами движения, и в значительной степени они стали его публичным лицом. Слэзкин цитирует историка Михаила Бейзера, который, комментируя ситуацию в Ленинграде, отмечает, что «еврейские имена постоянно мелькали в газетах. На митингах, конференциях, заседаниях евреи выступали сравнительно чаще других». Вообще евреи заняли руководящие и контролирующие должности, а не те, где им могла бы угрожать физическая опасность. Кроме того, «в протоколах заседания Политбюро от 18 апреля 1919 года приводится следующее заявление Троцкого:

Огромный процент работников прифронтовых ЧК, прифронтовых и тыловых исполкомов и центральных советских учреждений составляют латыши и евреи... процент их на фронте сравнительно невелик и... по этому поводу среди красноармейцев ведется и находит некоторый отклик сильнейшая шовинистическая агитация... Необходимо перераспределение партийных сил в смысле более равномерного распределения работников всех национальностей между фронтом и тылом» (стр. 187).

Большое количество евреев на высших уровнях ЧК и ОГПУ (этими сокращениями обозначалась советская тайная полиция в различные периоды) часто было центральной темой для тех, кто подчеркивает причастность евреев к революции и ее последствиям. Слэзкин дает статистику непропорционально высокого представительства евреев в этих организациях, особенно на командных должностях, и соглашается с комментарием Леонарда Шапиро, что «всякий, кто имел несчастье попасть в руки ЧК, имел очень хорошие шансы встретиться со следователем-евреем, а возможно, и получить от него пулю» (стр. 177). В 1930-х годах тайная полиция, тогда известная как НКВД, «была одним из самых еврейских из всех советских учреждений» (стр. 254). 42 из 110 ее высших руководителей были евреями.

«К 1934 году, когда ОГПУ превратилось в НКВД, евреи «по национальности» образовали самую большую национальную группу среди «руководящих работников» советской тайной полиции (37 евреев, 30 русских, 7 латышей, 5 украинцев, 4 поляка, 3 грузина, 3 белоруса, 2 немца и 5 прочих). Двенадцать ключевых отделов и управлений НКВД, которые отвечали, среди прочего, за милицию, трудовые лагеря (ГУЛАГ), переселение (депортации), контрразведку, аресты, «наружное наблюдение» и экономический саботаж, возглавлялись евреями (все они, за вычетом двух, были выходцами из черты оседлости)».

Гулаг возглавлялся этническими евреями с его начала в 1930 году до конца 1938, в период, который охватывает самые жуткие эксцессы Большого Террора. Они были, по словам Слэзкина, «сталинскими добровольными палачами» (стр. 103).

Большевики продолжали извиняться за непропорционально высокое представительство евреев, пока эта тема не стала запретной в 1930-х годах. И только в конце 1930-х годов «антисемиты, этнические националисты, и сторонники пропорционального представительства» смогли стать более заметными и занять некоторые видные посты (стр. 188). К этому времени самая худшая резня в Гулаге, чистки, и искусственный голод были закончены.

Выдающаяся роль евреев в революции и в ее последствиях не осталась незамеченной участниками событий с обеих сторон, в том числе такими влиятельными фигурами как Уинстон Черчилль, который писал, что роль евреев в революции «является, конечно, очень большой; она, вероятно, перевешивает роль всех остальных». Слэзкин отмечает подобные комментарии в книге, изданной в 1927 году Василием Витальевичем Шульгиным, русским националистом, который своими глазами видел результаты большевистских убийств в его родном Киеве в 1919 году: «Не нравится нам в вас то, что вы приняли слишком выдающееся участие в революции, которая оказалась величайшим обманом и подлогом. Не нравится нам то, что вы явились спинным хребтом и костяком коммунистической партии. Не нравится нам то, что своей организованностью и сцепкой, своей настойчивостью и волей, вы консолидировали и укрепили на долгие годы самое безумное и самое кровавое предприятие, которое человечество знало от сотворения мира. Не нравится нам то, что этот опыт был сделан во исполнение учения еврея – Карла Маркса. Не нравится нам то, что эта ужасная история разыгралась *на русской спине* и что она стоила нам, русским, всем сообща и каждому в отдельности, потерь неизрекаемых. Не нравится нам то, что вы, евреи, будучи сравнительно малочисленной группой в составе российского населения, приняли в вышеописанном гнусном деянии участие совершенно несоответственное». (стр. 181; курсив в оригинале). Слэзкин не возражает против этой оценки, но утверждает, что евреи едва ли были единственными революционерами (стр. 180). Это, конечно, верно, но не опровергает мой аргумент, что еврейская причастность была именно необходимым условием, а не просто достаточным условием для успеха большевистской революции и ее последствий. Аргумент Слэзкина ясно подтверждает объяснение евреев как необходимого условия, особенно из-за его подчеркивания руководящей роли евреев.

Однако утверждение о том, что еврейская причастность была необходимым условием, само по себе является преуменьшением, потому что, как отметил Шульгин, эффективность еврейских революционеров была пропорционально намного выше просто количества евреев. Утверждение, будто группа, составляющая значительную долю населения, была необходима для успеха движения, было бы обычным. Но критическая важность евреев возникла даже при том, что евреи во время революции составляли менее 5% российского населения, и в дореволюционные времена они были намного менее представлены в таких ос-

новых городах как Москва и Ленинград (Петербург), потому что законы о черте оседлости препятствовали им поселиться там. Слёзкин прав в том, что евреи не были единственными революционерами, но этот пункт в его рассуждениях только подчеркивает важность юдофилии и других союзов, которые евреи обычно должны заключать, пребывая в диаспоре, чтобы содействовать своим интересам.

В 1923 году несколько еврейских интеллектуалов издали сборник эссе, где признали «горький грех» еврейского соучастия в преступлениях революции. (Речь идет о книге «Россия и евреи», опубликованной в 1924 году в Берлине, авторы статей, вошедших в нее, были еврейскими эмигрантами из России, которые придерживались антикоммунистических взглядов. – прим. перев.)

По словам автора одного из произведений этого сборника Иосифа Бикермана, «нечего и оговаривать, что не все евреи – большевики и не все большевики – евреи, но не приходится теперь также долго доказывать непомерное и непомерно-рьяное участие евреев в истязании полуживой России большевиками» (стр. 183). Многие из писавших о еврейских большевиках отметили «преобразование» евреев: Согласно одному из таких комментаторов, Григорию Ландау, «поразило нас то, чего мы всего менее ожидали встретить в еврейской среде – жестокость, садизм, насильничество, казалось чуждое народу, далекому от физической воинственной жизни; вчера еще не умевшие владеть ружьем, сегодня оказались среди палачествующих головорезов». А другой еврейский автор, Яков Бромберг, отмечал:

«Автор не может не припомнить... своего изумления, граничившего с потрясением, испытанного им в первый раз при виде солдата-еврея в составе комиссарского синклита, перед которым он, будучи в плену у только что захвативших власть большевиков, был пригнан на один из бессмысленно-мучительных допросов». Многолетний борец с «правовым ущемлением» обратился в тирана, пользующегося «средствами, по своей самодурской крутости и деспотическому произволу ранее неслыханными»; «смирный и безответный тихоня» встал «во главе самых отъявленных хулиганских банд»; принципиальный гуманист «расточает... принудительные работы и "высшие меры"... за... "экономический шпионаж" и т.п. фантастические преступления»; «присяжный пацифист, пуце огня боявшийся военной службы» стал «командовать крупными военными единицами»; и, что самое поразительное, некогда убежденный и безусловный противник смертной казни не только за политические преступления, но и за тягчайшие уголовные деяния, не терпевший, что называется, вида зарезанного цыпленка, – превратившись наружно в человека в коже и с наганом, а в сущности потеряв всякий человеческий образ, смешавшись с

толпой других ревнителей и профессионалов «революционного правосудия», выходцев из более молодых и более жестокосердых наций, точно, хладнокровно и деловито, как статистику, ведет кровавые синодики очередных жертв революционного Молоха, или стоит в подвале Чеки на «кровавой, но почетной, революционной работе» (стр. 183-184).

Это психологическое «преобразование» российских евреев, вероятно, вовсе не было таким уж неожиданным для самих русских, учитывая констатацию Горького, что русские до революции видели в евреях людей, одержимых «жестоким эгоизмом», и что они боялись того, что могут превратиться в рабов евреев. Сам Горький до конца оставался юдофилом, несмотря на значительную роль евреев в убийстве приблизительно двадцати миллионов его кровных соплеменников, но после революции он писал, что «причиной теперешнего антисемитизма в России является бестактность еврейских большевиков. Еврейские большевики, не все, но безответственные мальчишки, участвуют в осквернении святынь русского народа. Они превратили церкви в кинематографы и читальни, они не посчитались с чувствами русского народа». Однако Горький не обвинял евреев в этом: «То, что большевики послали именно евреев, еврейских беспомощных и безответственных юнцов на такие дела, пахнет, конечно, провокацией. Но евреи должны были воздержаться. Они должны были понять, что их действия отравят душу русского народа. Им надо было это учесть» (стр. 186).

Те, кто совершал массовые убийства и лишал собственности русских крестьян, считали себя, по крайней мере, в своих публичных заявлениях, выполняющими то, что было необходимо для достижения всеобщего блага. Это была официальная точка зрения не только Советского Союза, где евреи сформировали доминирующую элиту, но также это была «более или менее официальная точка зрения» среди еврейских интеллектуалов в Соединенных Штатах (стр. 215) и в других странах. (Левые интеллектуалы до сих пор все еще предпочитают лить слезы по жертвам маккартизма, нежели оплакивать ужасы СССР).

«Ради создания нового, прекрасного человека – аполлонийца телом и меркурианца разумом – Левинсон заставляет себя делать то, что «необходимо», включая реквизицию последней свиньи у плачущего крестьянина и убийство неспособного передвигаться раненого товарища. Цена, которую он должен заплатить, столь же ужасна, сколь и загадочна: «личная ответственность». Внешне аналогичная христианскому греху, она и неотвратима, и искупительна; чем выше степень личной ответственности за деяния, обыкновенно считающиеся дурными, тем зримее знаки избранности и внутренняя сила, о которых они свидетельствуют. Столь же Демон, сколь Прометей, большевистский комиссар «несет в себе» муку исторической необходимости» (стр. 194).

Левинсон, персонаж романа Александра Фадеева «Разгром» (1926), примечательного примера социалистического реализма раннего советского периода, не является евреем в идеологическом смысле, «но нет сомнения, что с точки зрения эстетического и социологического правдоподобия каноническое еврейство представлялось чрезвычайно удачным выражением большевистского видения бестелесного сознания, торжествующего над «обломовской» [крестьянской] инертностью» (стр. 193). Потому не удивительно, что даже умеренный упрек Горького в еврейском антихристианском фанатизме не нашел понимания у Эстер Фрумкиной, лидера Еврейской секции компартии. «Фрумкина обвинила Горького в том, что он принял «участие... в заграничной травле евреев-коммунистов за их самоотверженную борьбу против тьмы и фанатизма»» (стр. 187). В их самовосприятии евреи всегда самоотверженно альтруистичны, даже если выражают свою древнюю ненависть.

ТРИ ВЕЛИКИЕ ЕВРЕЙСКИЕ МИГРАЦИИ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Последняя и самая длинная глава Слёзкина описывает три великие еврейские миграции двадцатого века – в Израиль, в Америку, и в городские центры Советского Союза. Слёзкин рассматривает все три миграции через линзу героического еврейского самовосприятия. Он видит в Соединенных Штатах еврейскую утопию точно потому, что у них была только «остаточная племенная эксклюзивность» (стр. 209), которая не могла долго препятствовать еврейскому господству:

«Соединенные Штаты олицетворяли неприкрытое меркурианство, неплеменную государственность и неоспоримый суверенитет капитализма и профессионализма. Они представляли собой – по крайней мере, риторически – коллекцию «*homines rationalistici artificiales*»: нацию посторонних, скрепленную общим культом чуждости (индивидуализм) и безродности (иммиграция). Они были единственным современным государством (не считая других колоний европейских поселенцев, ни одна из которых не обладала канонической мощью и глобальным размахом Соединенных Штатов), в котором еврей мог быть одновременно евреем и гражданином. «Америка» предлагала полноправное членство без полной ассимиляции. Более того, она, при ближайшем рассмотрении, требовала членства в субнациональной этнорелигиозной общине в качестве условия членства в общенациональной политической нации» (стр. 207).

Слёзкин видит в послевоенной Америке еврейскую утопию, но, как кажется, он только смутно осознает, что евреи в значительной степени создали в США свою собственную утопию, подрывая чувства местного населения, которые были рас-

пространены, по крайней мере, до окончания Второй мировой войны. Слёзкин подчеркивает еврейскую роль в институционализации терапевтического государства, но рассматривает ее как абсолютно благоприятную, а не как аспект «культуры критики», который подорвал этническую идентичность белых американцев: «Принесся фрейдизм в Америку и усвоив его – на краткое время, – как религию спасения, дети Тевье [евреи] сделались настоящими американцами, одновременно сделав Америку более терапевтической» (стр. 319). В книге мало рассказывается о главных интеллектуальных движениях, направленных против местных белых американцев. Но ведь все эти движения были во власти этнически сознательных евреев: антропология Боаса, Хорейс Каллен и его разработка теории Америки как «предположительной нации» («нации воли»), и Франкфуртская школа, которая объединила психоанализ и марксизм в разрушительное оружие против этнического сознания белых американцев. И при этом он не обсуждает роль еврейских активистских организаций в изменении этнического баланса Соединенных Штатов, способствуя крупномасштабной иммиграции в Америку со всего мира.

Слёзкин также рассматривает еврейскую миграцию в Израиль как героическую:

«И в еврейской Палестине (Йишув), и в Советской России братство символизировало полную тождественность всех истинно верующих (всегда сражающихся с численно превосходящим врагом) и их полное отождествление с общим делом (которому большинство юных евреев в обоих местах служило искренне и страстно). Со временем обе революции разовьются в направлении большей иерархичности, бюрократического милитаризма, страха перед вражеским проникновением и культа генералов, пионеров-героев и элитных подразделений, но между 1917-м и серединой 30-х годов их переполняла молодая энергия и дух равенства, братства, подвига и самопожертвования» (стр. 212).

Этот отрывок примечателен как своим точным определением четко отделяющей «своих» от «чужих» психологии традиционных еврейских групп, освобожденных теперь от Торы и синагоги, так и описанием групповой психологии массовых убийств (в СССР) и этнических чисток (на Ближнем Востоке) с привлечением отважного самопожертвования и гордости за достигнутое.

Но Слёзкин, безусловно, тратит большую часть своей энергии на представление читателям захватывающей хроники еврейского возвышения до статуса элиты во всех областях советской общественной культуры, университетов, профессиональной деятельности, СМИ и правительства. Во всех случаях непропорционально высокое представительство евреев было самым заметным на вершинах успеха и влияния. Если обратиться только к области культуры, то евреи были в

ней очень заметны как художники-авангардисты, формалистские теоретики, полемисты, кинематографисты и поэты.

«Евреи занимали видное место среди самых непримиримых борцов против буржуазных пережитков в годы Великого перелома, самых решительных поборников социалистического реализма в годы «Великого отступления» (от революционного авангарда и пролетарского интернационализма) и самых пламенных пророков веры, надежды и борьбы в годы Великой Отечественной войны (некоторым из них довелось участвовать и в том, и в другом, и в третьем)» (стр. 225).

И, как замечали их критики, евреи были вовлечены в антихристианскую пропаганду. Русский писатель Михаил Булгаков заметил, что издатели журнала «Безбожник» были евреями; он был «потрясен», когда узнал, что «Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Не трудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены» (стр. 244).

Некоторые из сравнений являются поразительными и кажутся намеренными. На стр. 230 автор цитирует слова Льва Копелева о необходимой твердости при конфискации собственности украинских крестьян. Копелев, который своими глазами видел голод, убивший от семи до десяти миллионов крестьян, заявлял: «нельзя поддаваться расслабляющей жалости. Мы вершим историческую необходимость. Исполняем революционный долг. Добываем хлеб для социалистического отечества. Для пятилетки».

На следующей странице Слёзкин описывает жизнь в значительной степени еврейской элиты в Москве и Ленинграде, где они посещали театры, отправляли своих детей в лучшие школы, нанимали крестьянок в качестве нянек, проводили выходные на уютных дачах, а отпуск на Черном море.

Слёзкин описывает НКВД как «одно из самых еврейских из всех советских учреждений» и перечисляет еврейских руководителей Большого Террора 1930-х годов (стр. 254 и 255). На стр. 256 он пишет, что в 1937 году некий типичный еврей, переехавший из черты оседлости в Москву, чтобы занять элитный пост в советском государстве, «вероятно, будет жить в элитном жилье в центре Москвы ... с доступом к специальным магазинам, с домом в сельской местности (дачей), и живущей вместе с его семьей няней или домработницей из деревни. ... По крайней мере, один раз в год, она могла ездить отдыхать на черноморское побережье или на Северный Кавказ на воды» (стр. 256). Слёзкин пространно и с любовью описывает во всех подробностях жизнь на элитных дачах: «Дачные поселки в перелесках, деревянные дома с открытыми верандами, садики, окруженные деревянным штакетником. Или дикие участки, в виде огороженного

куска леса с грибами и ягодами. Культурные участки представляли собой цветники с сиренью, жасмином, черемухой и клумбами, благоухающими резедой, нарядные от анютиных глазок и всякой другой цветочной братии» (стр. 256). Но читателю приходится прибегать к собственному воображению, чтобы представить себе ужасы украинского голода и раскулачивания.

Как отмечает Слѣзкин, советская элита в своем большинстве состояла не из евреев, но евреи были непропорционально высоко представлены в элите (а русских в элите было непропорционально мало в сравнении с их долей в населении). Кроме того евреи из-за их общего социального и культурного фона сформировали намного более сплоченное ядро чем остальная часть элиты (стр. 236). Всеобщее понимание того, что в новой элите были слишком сильно представлены евреи, вызывало широко распространяющиеся антисемитские взгляды. «Согласно записке Агитпропа в секретариат ЦК в августе 1926 года, представление о том, что советская власть мирволит евреям, что она «жидовская власть», что из-за евреев безработица и жилищная нужда, нехватка мест в вузах и рост розничных цен, спекуляция – это представление широко прививается всеми враждебными элементами трудовым массам... Не встречая никакого сопротивления, антисемитская волна грозит в самом недалеком будущем предстать перед нами в виде серьезного политического вопроса» (стр. 244). Такое широко распространенное общественное восприятие роли евреев в новом правительстве привело к агрессивному наблюдению за антисемитскими высказываниями и действиями и репрессиями против «виновных», включая казни русских националистов, которые выражали антисемитские взгляды. Это общественное восприятие также заставило евреев занять более сдержанную, незаметную позицию в режиме, как поступил Троцкий, который отказался от должности комиссара внутренних дел, потому что это могло бы дать антисемитам еще один повод для их агрессивной критики. С 1927 до 1932 годы Сталин провел амбициозную общественную кампанию по борьбе с антисемитизмом, которая включала пятьдесят шесть книг, изданных правительством, и множество речей, больших митингов, газетных статей, и показательных процессов, «направленных на уничтожение зла» (стр. 249).

ЗАКАТ ЕВРЕЕВ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Евреи смогли продержаться в роли элиты до конца советского режима в 1991 года – и это несмотря на усилия властей по осуществлению программ поддержки местного (нееврейского) населения, направленных на то, чтобы открыть возможности для детей рабочих и крестьян в 1930-х годах и притупить антисемитские чувства, кипящие на более низких уровнях советского общества. Элитный статус евреев сохранился вопреки Большому Террору конца 1930-х годов,

который непропорционально сильно затронул политическую элиту. В целом евреев среди жертв Большого Террора было непропорционально мало. И хотя процент евреев в политической элите действительно уменьшился после чисток в конце 1930-х годов и поощрения карьерного роста русских из числа бывших крестьян и рабочего класса, это не затрагивало еврейское господство в качестве профессиональной, культурной, и организаторской элиты. Евреи также сохранили свой элитный статус, несмотря на сталинскую кампанию конца 1940-х годов против еврейских этнических и культурных учреждений и их видных представителей.

Элитный статус евреев сохранился даже после того, как чистка была расширена на все секторы советской элиты, в связи с чувством, которое, по крайней мере, частично «распространилось среди военного поколения [русских], что великая победа [во Второй мировой войне] дает им право на некоторую роль в принятии важных решений» (стр. 306). Слѣзкин показывает очень высокий процент евреев в различных учреждениях в конце 1940-х годов, включая университеты, СМИ, дипломатическую службу и тайную полицию. Например, деканы философских, исторических, и юридических факультетов были этническими евреями, и, как уже отмечалось, евреи составили 80% сотрудников Института русской литературы советской Академии наук. Что касается роли евреев как «авангарда рабочего класса», то они все еще составляли 23% штата газеты «Труд», официального органа Всесоюзного центрального совета профсоюзов, и это уже после чистки, которая наполовину сократила их численность.

Кампания против евреев началась только после апогея массовых убийств и депортаций в СССР, и была намного менее смертоносной, чем кампании, проведенные против длинного списка других этнических групп, типичной судьбой которых была депортация при самых жестоких обстоятельствах (казаки, чеченцы, крымские татары, немцы Поволжья, молдаване, калмыки, карачаевцы, балкарцы, ингуши, греки, болгары, крымские армяне, турки-месхетинцы, курды, и армяне-амшенцы (хемшины)).

(К ним можно также причислить прибалтов, западных белорусов и западных украинцев, которые вели вооруженную борьбу против Советов в 1940-1950-х годах – прим. перев.).

Кампания против евреев была также куда менее последовательна и эффективна в сравнении с советскими кампаниями против детей прежней элиты – фабрикантов, казачьих офицеров, и среднего класса и интеллигенции (стр. 308).

В отличие от чисток 1930-х годов, которые иногда были направлены против евреев как членов элиты (хотя и непропорционально слабо в сравнении с их чис-

ленностью в элите), антисемитские действия конца 1940-х и начала 1950-х годов были направлены против евреев уже из-за их этнической принадлежности. Подобные чистки были осуществлены всюду в управляемой Советами Восточной Европе (стр. 313-314). «Все три режима [Польша, Румыния, Венгрия] напоминали Советский Союз 1920-х годов тем, что сочетали правящее ядро старых коммунистов-подпольщиков, из которых многие были евреями, с большой группой социально мобильных еврейских профессионалов, которые были в среднем самыми надежными среди образованных и самыми образованными среди надежных» (стр. 314). Говоря о ситуации в Польше, Хрущев поддержал антисемитскую чистку своим замечанием, сказав, что, мол, «у вас и так уже слишком много Абрамовичей».

Если в 1920-х и 1930-х годах дискриминировали детей столпов старого режима, то теперь евреев не только вычищали из элиты из-за их непропорционально высокой доли в ней, но и дискриминировали при поступлении в высшие учебные заведения. Евреи, прежде лояльные члены элиты и добровольные палачи самого кровавого режима в истории, теперь «сами оказались среди отщепенцев» (стр. 310). Вместо того чтобы объяснить свое преследование следствием железных законов истории, некоторые евреи начали чувствовать вину за свою прежнюю роль. Одна еврейка пишет, что после того, как ее муж был арестован, ее домработница сказала ей: «Теперь ты плачешь, а почему не думала ни о чем, когда папаню моего раскулачили, погубили ни за что ни про что, семью по миру пустили?!» (стр. 311).

И так начался исход евреев. Сталин умер, и антисемитская кампания утихла, но еврейская траектория окончательно пошла под уклон. «Евреи оставались важной частью советской профессиональной элиты вплоть до развала СССР, но особые отношения между евреями и Советским государством распались окончательно – или, вернее, уникальный симбиоз в борьбе за мировую революцию уступил место уникальной конкуренции двух враждующих и несоразмерных национализмов» (стр. 330). Ответом русских было «массовое выдвижение рабочих» (стр. 333) на руководящие посты, нацеленное на предоставление большего представительства недостаточно представленным этническим группам. Евреи вызывали подозрения из-за их этнического статуса, им запретили работу в некоторых элитных учреждениях, и ограничили их возможности карьерного роста.

Русские возвращали себе свою страну, и прошло немного времени до того, как евреи стали лидерами диссидентского движения и начали стремиться к массовой эмиграции в Соединенные Штаты, Западную Европу, и Израиль. Несмотря на то, что евреи все еще располагали элитным социальным положением и подвергались гораздо меньшим преследованиям, чем многие другие группы (например, подавляющему большинству советского населения не разрешали

жить в городах, и некоторые христианские секты, были запрещены), евреи воспринимали свою ситуацию как «невыносимое унижение» (стр. 339). Откровенный антисемитизм поощрялся более скрытыми разнообразными методами властей, проявляющимися в введении ограничений для карьерного роста евреев. При этих обстоятельствах евреи стали «в известном смысле, ядром оппозиционной интеллигенции». (стр. 340). Еврейские диссиденты, родители которых управляли Гулагами, депортациями и организованным государством голодом, теперь были первыми, кто высказывал «властные призывы к социальной справедливости» (стр. 342). Еврейские ученые с «последователями» (стр. 342) – известный еврейский подход – и с тесными связями с западными еврейскими интеллектуалами стали интеллектуальным авангардом и бунтарями новой культуры критики в Советском Союзе.

Количество заявлений о выезде из СССР резко увеличилось после Шестидневной арабо-израильской войны 1967 года, которая, как и в Соединенных Штатах и Восточной Европе, вызвала рост еврейского самосознания и этнической гордости. Шлюзы были, в конечном счете, открыты Горбачевым в конце 1980-х годов, и к 1994 году эмигрировали 1,2 миллиона советских евреев, 43% от их общего количества. К 2002 году в Российской Федерации осталось только 230 000 евреев, 0,16 % населения. Но эти оставшиеся евреи, однако, демонстрируют типичный для ашкенази образец высоких достижений и сверхпредставленности среди элиты, включая шесть из семи олигархов, которые взяли в свои руки контроль советской экономики и СМИ в период приватизации (стр. 362).

Возможно, неудивительно, что эта развязка не вызвала какого-либо чувства коллективной вины среди советских евреев (стр. 345) или среди их американских апологетов. И на самом деле, те евреи, которые были видными фигурами в американской культуре и СМИ, и попали в черный список из-за своих коммунистических связей в 1940-х годах, теперь считаются героями, которых расхваливают газеты, о них снимают фильмы, их работы выставляют в музеях. В то же самое время проблемы советских евреев и их право на эмиграцию стали важной вдохновляющей идеей для американских еврейских активистских организаций и определяющей чертой неоконсерватизма как еврейского интеллектуального и политического движения. (Например, Ричард Перл, видный неоконсерватор, был самым важным советником по вопросам безопасности сенатора Генри Джексона с 1969 до 1979 год и организовал поддержку Конгрессом Поправки Джексона – Вэника, связывающей американско-советскую торговлю с разрешением евреям эмигрировать из Советского Союза. Закон был принят вопреки сильным возражениям со стороны администрации президента Никсона). Еврейские активистские организации и многие еврейские историки изображают пережитое советскими евреями как пребывание в земле «Красных фараонов» (стр. 360). Историческое наследие состоит в том, что евреи якобы были лишь пассивными,

непонимающими жертвами белогвардейцев, нацистов, украинских националистов и советских властей после войны, и не более того.

ПРОБЛЕМА ЕВРЕЙСКОЙ ВИНОВНОСТИ

Александр Солженицын призвал евреев взять на себя моральную ответственность за тех евреев, «которые участвовали «в железном большевистском руководстве, а еще больше – в идеологическом водительство огромной страны по ложному пути. ... и за «долю расстрелов ЧК, потопления барж с обреченными в Белом и Каспийском морях, за свою долю в коллективизации, украинском голоде, во всех мерзостях советского управления». (цитируется на стр. 360). Но согласно Слёзкину, никакой коллективной вины здесь не может быть, потому что советское насилие, в отличие от нацистского преследования евреев, не было племенным насилием. «Акты насилия, не совершаемые одним племенем против другого, отбрасывают очень короткую тень. В отличие от геноцида, они [акты насилия советского вида] не порождают законных наследников – ни у преступников, ни у жертв» (стр. 345). Слёзкин признает, что евреи были «самыми восторженными этнически определенными сторонниками советского государства», но он по существу утверждает, что эти евреи на самом деле уже не были евреями, когда они были коммунистами, по крайней мере, пока Вторая мировая война не заставила их снова ощутить свою еврейскую идентичность. В конце концов, наследие коммунизма, «проповедовало космополитизм почти так же страстно, как массовое кровопролитие» (стр. 346).

Мы снова видим важность утверждений Слёзкина о том, что, мол, у еврейских коммунистов недоставало еврейской идентичности. Однако, как показано выше, можно практически не сомневаться в том, что советские евреи думали о себе как о евреях (хотя они, конечно, не были религиозными иудеями), и что они сотрудничали на основе общей еврейской этнической идентичности. Однако самая важная проблема для коллективной вины состоит в том, имел ли еврейский энтузиазм по отношению к советскому государству и восторженное участие евреев в насилии над тем, что Слёзкин называет «сельской отсталостью и религией» (стр. 346), некоторое отношение к их еврейской идентичности.

Это утверждение значительно сложнее обосновать, но основные положения такого аргумента довольно ясны. Мы можем даже допустить возможность, что на революционный авангард, состоявший из таких евреев как Лев Троцкий, который возглавлял большевистскую революцию, гораздо большее влияние оказало универсалистское утопическое видение, нежели их воспитание в традиционном иудаизме. Но ведь из этого отнюдь не следует, что точно так же обстояло дело с теми миллионами евреев, которые покинули штетли (местечки) черты оседло-

сти, чтобы переехать в Москву и городские центры нового государства. Миграция евреев в городские центры СССР – это очень важный аспект представления Слёзкина, но очень трудно поверить в то, что эти мигранты отбросили, полностью и немедленно, все остатки восточноевропейской культуры штетля, в которой, как признает Слёзкин, было укоренено глубокое чувство отчуждения от нееврейской культуры, и в особенности страх и ненависть к крестьянам, вытекающие из традиционных экономических отношений между евреями и крестьянами, и усиленные долгой и недавней историей антисемитских погромов, осуществлявшихся крестьянами. У традиционной еврейской культуры штетля также было очень отрицательное отношение к христианству, не только как к центральному культурному символу «чужой группы», но и как к тому, что в еврейских умах прочно связывалось с долгой историей антисемитских преследований. Та же самая ситуация, несомненно, сложилась в Польше, где попытки даже наиболее «деэтнизированных» еврейских коммунистов принимать на работу поляков были запрещены традиционными еврейскими позициями превосходства над традиционной польской культурой и отчуждения от нее.

Другими словами война против «деревенской отсталости и религии» была точно тем видом войны, которую традиционное еврейство искренне поддерживало бы, потому что это была война против всего, что евреи ненавидели и воспринимали как свое угнетение. Конечно, традиционные местечковые евреи ненавидели царя и его правительство также из-за ограничений для евреев и за то, что правительство, по их мнению, делало недостаточно для обуздания антисемитского насилия. Не следует сомневаться, что презрение Ленина к «тупому, заскоружлому, оседлому и медвежье-дикому мужику великороссу или украинцу» разделялось огромным большинством местечковых евреев до революции и после нее. Те евреи, которые оскверняли святыни традиционной русской культуры и издавали антихристианских журналы, несомненно, наслаждались своими задачами по полностью еврейским причинам, и, как беспокоился Горький, их действия вполне обоснованно разжигали антисемитизм того времени. Учитывая антихристианские взгляды традиционных местечковых евреев, очень трудно поверить, что у евреев, занимавшихся кампаниями против христианства, не было чувства мести по отношению к той старой культуре, которую они так презирали.

И действительно Слёзкин рассматривает некоторые из работ ранних советских еврейских авторов, которые иллюстрируют тему мести. Любовные ухаживания еврейского главного героя стихотворения Эдуарда Багрицкого «Февраль» отвергаются русской девушкой, но их ситуация меняется после революции, когда он становится заместителем комиссара. Увидев девушку в борделе, он занимается сексом с нею, не снимая своих сапог, оружия и шинели – это был акт агрессии и мести:

«Я беру тебя за то, что робок
Был мой век, за то, что я застенчив,
За позор моих бездомных предков,
За случайной птицы щебетанье!
Я беру тебя, как мщенье миру,
Из которого не мог я выйти!»

Слэзкин, кажется, спокойно воспринимает месть как еврейский мотив, но он не считает, что сама по себе традиционная еврейская культура способствовала отношению евреев к традиционной России, даже при том, что он отмечает, что очень традиционная часть еврейской культуры должна была презирать русских и их культуру. (Даже еврейские литераторы презирали всю традиционную русскую культуру кроме Пушкина и нескольких литературных символов.) На самом деле возникает вопрос, что мотивировало бы еврейских комиссаров к мести, кроме побуждений, связанных с их еврейской идентичностью. Традиционная враждебность к неевреям и их культуре формирует центральную тему в работах Израэля Шахака и многих еврейских историков господствующего направления, включая Слэзкина, и я представил резюме этого материала в другой своей работе.

Важный аспект обобщающего теоретического подхода Слэзкина состоит в том, что отношения между меркурианцами и аполлонийцами вызывают взаимную враждебность, подозрение и презрение, и чувство превосходства (стр. 20). Эти традиционные взгляды были усилены с ростом напряженности между евреями и неевреями, который начался с погромов 1881 года и продлился, с периодами вспышек и затухания, до большевистской революции.

Аргумент Слэзкина о том, что евреи были очень сильно вовлечены в разрушение традиционных российских учреждений, ликвидацию русских националистов, убийство царя и его семьи, лишение собственности и убийства кулаков, и разрушение православной церкви, высказывался за эти годы и многими другими авторами, включая Игоря Шафаревича, математика и члена престижной американской Национальной академии наук (NAS). Обзор Шафаревичем еврейских литературных работ советского и постсоветского периода согласен со Слэзкиным в показе еврейской ненависти, смешанной с сильным желанием мести по отношению к предреволюционной России и ее культуре. Но Шафаревич также предполагает, что еврейская «русофобия», которая вызвала массовые убийства, не является уникальным явлением, но следует из традиционной еврейской враждебности к нееврейскому миру, который рассматривается евреями как «трефный» (нечистый), и к самим неевреям, которых евреи считают неполноценными людьми (неразумными) и которых можно и следует уничтожить. И Шафаревич, и Слэзкин рассматривают традиционную враждебность евреев к

России, но Слёзкин пытается заставить своих читателей поверить, будто бы местечковые евреи в момент революции волшебным образом изменились; хотя они действительно осуществили разрушение традиционной России и убили около двадцати миллионов представителей народов России, они, мол, делали это только из самых высоких гуманитарных побуждений и мечты об утопическом социализме, и вернулись к открытой еврейской идентичности только из-за давления Второй мировой войны, создания и возвышения Израиля как источника еврейской идентичности и гордости и из-за антисемитской политики и ситуации в СССР. Это просто невероятно.

Эта ситуация заставляет задуматься над тем, что могло бы произойти в Соединенных Штатах, если бы американские коммунисты и их сочувствующие захватили власть. «Младенцы в красных пеленках» были родом из еврейских семей, которые «за завтраком, день за днем, в Скарсдейле, Ньютоне, Грейт-Неке и Беве-Хиллз обсуждали, какое же ужасное, коррумпированное, безнравственное, недемократическое, расистское общество эти Соединенные Штаты». В действительности ненависть к народам и культурам неевреев и образ поработенных предков как жертв антисемитизма были еврейской нормой всюду на протяжении всей истории, о чем так много писали от Тацита до наших дней.

Легко представить себе, какие секторы американского общества посчитали бы слишком отсталыми и религиозными и поэтому заслуживающими массового убийства американские коллеги еврейской элиты в Советском Союзе – те, кто отправился на остров Эллис вместо Москвы. Число потомков этих слишком отсталых и религиозных людей теперь ужасающе увеличилось среди избирателей «красного штата», которые были настолько важны на недавних выборах в федеральные органы. («Красными штатами» американцы называют штаты, голосящие за республиканцев. – прим. перев.) Еврейская враждебность к христианской культуре, которая так глубоко укоренена в большей части Америки, легендарна. Как указывает Джоэл Коткин, «в течение нескольких поколений, [американские] евреи смотрели на религиозных консерваторов со смешанным чувством страха и презрения». И, как отмечает Эллиот Абрамс, американское еврейское сообщество «цепляется за то, что в итоге является темным видением Америки, как земли, пропитанной антисемитизмом и всегда находящейся на грани вспышек антисемитизма». Эти взгляды хорошо зафиксированы в обвинении Стивена Стайнлайта, что, мол, американцы, которые одобрили закон об ограничении иммиграции в 1920-х годах – а это было подавляющее большинство населения – были «безумной толпой», и что сам этот закон был «злым, ксенофобским, антисемитским», «ужасно дискриминационный», «большим моральным провалом», «чудовищной политикой». В конечном итоге, мрачное представление о традиционных славянах и их культуре, из-за которого очень многие восточноевропейские местечковые евреи легко превратились в добро-

вольных палачей во имя международного социализма, не очень отличается от представлений современных американских евреев о большинстве их соотечественников.

(Здесь можно также упомянуть, что среди сотрудничавших с советскими спецслужбами в 1930-1950-х годах американцев – как банальных шпионов, так и агентов влияния, в т.ч. на высоких должностях в экономике, политике, науке, прессе и культуре – было непропорционально много восточноевропейских евреев. С Советами они сотрудничали не за деньги, а исключительно по «идеологическим мотивам», и их роль и влияние на историю США и ее отношения с другими странами мира до сих пор еще не изучены в полной мере. См. об этом, в частности: Джон Эрл Хейнс, Харви Клер и Александр Васильев «Шпионы»; Джерольд Шектер и Лона Шектер «Священные тайны»; Херберт Ромерстайн и Эрик Брайндел «Секреты ВЕНОНЫ»; М. Стэнтон Эванс и Херберт Ромерстайн «Секретные агенты Сталина»; Дайана Уэст «Американское предательство». Так как большинство авторов этих книг – евреи (хотя и правых, патриотических взглядов), ни о каком «антисемитизме» с их стороны в данном случае говорить нельзя. – прим. перев.)

Во всем это есть определенная чудовищность. Двадцатый век действительно был еврейским столетием, потому что евреи и еврейские организации были глубоко и решительно вовлечены в его самые важные события. Самая большая заслуга Слэзкина состоит в том, что он создал хронику, правдиво и откровенно описывающую важность евреев в большевистской революции и ее последствиях, но он не сосредотачивается на огромных отдаленных последствиях революции, последствиях, которые продолжают формировать мир двадцать первого века. Фактически долгое время после революции консерваторы всюду в Европе и Соединенных Штатах считали, что евреи были ответственны за коммунизм и за большевистскую революцию. Роль евреев в левых политических движениях была общим источником антисемитских взглядов у очень многих интеллектуалов и политических деятелей. В Германии отождествление евреев и большевизма было широко распространено в средних классах и стало очень важной частью национал-социалистического мировоззрения. Как отметил немецкий историк проф. Эрнст Нольте, для немцев среднего класса «опыт большевистской революции в Германии был настолько недавним, настолько близким к их дому, и настолько тревожным, и статистика, как казалось, так неопровержимо доказывала чрезвычайно активное участие еврейских вождей», что даже многие либералы поверили в ответственность евреев за это». Еврейская причастность к ужасам коммунизма была также важным чувством в желании Гитлера уничтожить СССР и в антисемитских действиях немецкого национал-социалистического правительства. Евреи и еврейские организации сыграли

также важную роль в том, что побудили западные демократические государства стать во Второй мировой войне на сторону Сталина, а не Гитлера.

Победа над национал-социализмом подготовила почву для огромного увеличения еврейской власти в послевоенном западном мире, в конечном счете, более чем скомпенсировав закат евреев в Советском Союзе. Как показывает Слэзкин, дети еврейских иммигрантов заняли элитные позиции в Соединенных Штатах, точно так, как это было у них в Советском Союзе и всюду в Восточной Европе и Германии до Второй мировой войны. Эта вновь обретенная власть облегчила создание Израиля, преобразование Соединенных Штатов и других западных стран в направлении мультирасовых, мультикультурных обществ с помощью крупномасштабной иммиграции цветных народов и последовательного упадка европейского демографического и культурного превосходства. Очень важная роль евреев в коммунизме была смягчена, даже затушевана в истории, тогда как преследование евреев нацистами достигло статуса морального стандарта и является главным оружием в содействии массовой неевропейской иммиграции, мультикультурализму, и решению других еврейских задач.

Поэтому причастность евреев к большевизму оказала огромное воздействие на недавнюю европейскую и американскую историю. Конечно, это верно, что евреи все равно достигли бы элитного статуса в Соединенных Штатах и без их выдающегося положения в Советском Союзе. Однако без Советского Союза как яркого маяка земли, освобожденной от государственного антисемитизма, где евреи добились элитного статуса за потрясающе короткий период, история Соединенных Штатов была бы совсем другой. Непокколебимая настойчивость еврейского радикализма повлияла на общую политическую чувствительность еврейского сообщества и привела к дестабилизации американского общества, в диапазоне от паранойи эры Маккарти до триумфа контркультурной революции 1960-х, к конфликтам вокруг проблем иммиграции и мультикультурализма, которые являются столь важной частью современного политического ландшафта.

Главное утверждение Слэзкина гласит, что история двадцатого века была историей возвышения евреев на Западе, на Ближнем Востоке и в России, и, в конечном счете, их заката в России. Я думаю, что в этом он абсолютно прав. Если и есть какой-то урок, который следует изучить, то он состоит в том, что евреи во всех этих регионах стали не просто элитой, но именно враждебной элитой: враждебной к традиционным народам и культурам всех трех регионов, куда они прибыли, чтобы доминировать. До сих пор самые большие человеческие трагедии произошли в Советском Союзе, но история Израиля как репрессивной и агрессивной оккупационной державы на Ближнем Востоке сделала эту страну парией среди огромного большинства правительств мира. И еврейская враждебность к американцам европейского происхождения и к их культуре была по-

следовательной характерной чертой еврейского политического поведения и позиции на протяжении двадцатого века. В настоящее время эта нормативная еврейская враждебность к традиционному населению и культуре Соединенных Штатов остается мощным фактором мотивации еврейской причастности к преобразованию США в неевропейское общество.

С учетом этой исторической характеристики евреев как враждебной, но очень успешной элиты, я сомневаюсь, что длительное демографическое и культурное господство западноевропейских народов будет сохранено в Европе или в Соединенных Штатах и других западных обществах без уменьшения еврейского влияния. (Возможно, более очевидно то же самое можно было бы сказать по отношению к палестинцам и другим арабским народам на Ближнем Востоке.) Урок Советского Союза (и Испании с пятнадцатого по семнадцатый века) состоит в том, что еврейское влияние усиливается и ослабевает. Вопреки взглядам утопических идеологий двадцатого века, у истории нет конца.

Кевин Макдональд – профессор психологии Университета штата Калифорния в городе Лонг-Бич и автор трилогии о еврействе как эволюционной стратегии: «A People That Shall Dwell Alone» (1994), «Separation and Its Discontents» (1998), и «The Culture of Critique» (1998), все опубликованы издательством «Praeger» в 1994–1998 годах. Русский перевод «Культуры Критики» вы можете прочитать здесь:

<https://velesova-sloboda.info/archiv/pdf/macdonald-evrejskoe-uchastie-v-intellektualnyh-i-politicheskikh-dvizheniyah.pdf>

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Abrams, E. (1997). Faith or Fear: How Jews Can Survive in a Christian America. New York: The Free Press.
- Bendersky, J. (2000). The «Jewish Threat.» New York: Basic Books.
- Benjamin, W. (1968). Illuminations, trans. H. Zohn. New York: Harcourt, Brace & World.
- Berezkei, T. (1993). Re-selected reproductive strategies among Hungarian Gypsies: A Preliminary Analysis. Ethology and Sociobiology 14: 71–88
- Churchill, W. (1920). Zionism versus Bolshevism: A struggle for the soul of the Jewish people. Illustrated Sunday Herald, February 8, 5.
- Coughlin, R. J. (1960). Double Identity: The Chinese in Modern Thailand. Hong Kong and London: Hong Kong University Press and Oxford University Press.
- Courtois, S. (1999). Introduction: The crimes of Communism. In S. Courtois, N. Werth, J. Panné, A. Paczkowski, K. Bartosek, and J. Margolin, (1999). The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression, trans. J. Murphy and M. Kramer. Cambridge: Harvard University Press.

- Cvorovic, J. (2004). Sexual and Reproductive Strategies among Serbian Gypsies. *Population and Environment* 25: 217–242.
- Davies, N. (1981). *God's Playground: A History of Poland*, 2 vols. New York: Columbia University Press.
- Ediev, D. (2001). Application of the Demographic Potential Concept to Understanding the Russian Population History and Prospects: 1897–2100. *Demographic Research*, 4, 287–333.
- Hagen, W. W. (1996). Before the «final solution»: Toward a comparative analysis of political anti-Semitism in interwar Germany and Poland. *Journal of Modern History* 68: 351–381.
- Kellogg, M. (2005). *The Russian Roots of Nazism: White Émigrés and the Making of National Socialism, 1917–1945*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Kostyrchenko, G. (1995). *Out of the Red Shadows: Anti-Semitism in Stalin's Russia*. Amherst, NY: Prometheus Books.
- Kotkin, J. (2002). The Christian right, conservatism, and the Jews. *The Jewish Journal of Greater Los Angeles*, June 6.
<http://www.joelkotkin.com/Religion/TJJ%20The%20Christian%20Right%20Conservatism%20and%20the%20Jews.htm>
- Lindemann, A. S. (1997). *Esau's Tears: Modern Anti-Semitism and the Rise of the Jews*. New York: Cambridge University Press.
- Lipset, S. M. (1988). *Revolution and Counterrevolution: Change and Persistence in Social Structures*, rev. ed. New Brunswick, NJ: Transaction. (Originally published in 1968 and 1970.)
- MacDonald, K. B. (1994/2002). *A People That Shall Dwell Alone: Judaism As a Group Evolutionary Strategy, with Diaspora Peoples*. Lincoln, NE: iUniverse. Reprint of the 1994 book with a section on other diaspora peoples.
- MacDonald, K. B. (1998/2002). *The Culture of Critique: An Evolutionary Analysis of Jewish Involvement in Twentieth-Century Intellectual and Political Movements*. Paperback edition of the 1998 Praeger edition, with a new preface. Bloomington, IN: 1stbooks Library. MacDonald, K. B. (1998/2004).
- *Separation and Its Discontents: Toward an Evolutionary Theory of Anti-Semitism*. Paperback edition of the 1998 Praeger edition, with a new preface. Bloomington, IN: 1stbooks Library.
- MacDonald, K. B. (2002). What Makes Western Culture Unique? *The Occidental Quarterly* 2(2): 8–38.
- MacDonald, K. B. (2004). *Understanding Jewish Influence: A Study in Ethnic Activism*. Augusta, GA: Washington Summit Press.
- Mahler, R. (1985). *Hasidism and the Jewish Enlightenment: Their Confrontation in Galicia and Poland in the First Half of the Nineteenth Century*. Philadelphia: Jewish Publication Society of America.

- Mayer, A. J. (1988). *Why Did the Heavens Not Darken? The «Final Solution» in History*. New York: Pantheon.
- Mosse, G. L. (1970). *Germans and Jews: The Right, the Left, and the Search for a «Third Force» in Pre-Nazi Germany*. New York: Howard Fertig.
- Mundill, R. R. (1998). *England's Jewish Solution: Experiment and Expulsion, 1262–1290*. New York: Cambridge University Press.
- Nolte, E. (1965). *Three Faces of Fascism*, trans. L. Vennowitz. New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Novick, P. (1999). *The Holocaust in American Life*. Boston: Houghton Mifflin.
- Ruppin, A. (1973). *The Jews in the Modern World*. London: Macmillan. (Reprinted by Arno Press, 1973.)
- Schatz, J. (1991). *The Generation: The Rise and Fall of the Jewish Communists of Poland*. Berkeley: University of California Press.
- Shafarevich, I. (1989). Russophobia. *Nash Sovremennik (Moscow)* (June and November): 167–192. Trans. JPRS-UPA-90-115 (March 22, 1990): 2–37.
- Shahak, I. (1994). *Jewish History, Jewish Religion: The Weight of Three Thousand Years*. Boulder, CO: Pluto Press.
- Shahak, I., and Mezvinsky, N. (1999). *Jewish Fundamentalism in Israel*. London: Pluto Press.
- Slezkine, Y. (2004) *The Jewish Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Soloveichik, M. Y. (2003). The virtue of hate. *First Things* 129: 41–46. <http://www.firstthings.com/ftissues/ft0302/articles/soloveichik.html>
- Steinlight, S. (2001). *The Jewish Stake in America's Changing Demography: Reconsidering a Misguided Immigration Policy*. Washington, DC: Center for Immigration Studies.
- Stocking, G. W. (1968). *Race, Evolution, and Culture: Essays in the History of Anthropology*. New York: Free Press.
- Stone, R. (1992). Random Samples. *Science* 257: 743.
- Subtelny, O. (1988). *Ukraine: A History*. Toronto: University of Toronto Press.
- Szajkowski, K. (1974). *Jews, Wars, and Communism: The Impact of the 1919–1920 Red Scare on American Jewish Life*. New York: KTAV Publishing.
- Vaksberg, A. (1994). *Stalin against the Jews*, trans. A. W. Bouis. New York: Knopf.
- Vital, D. (1975). *The Origins of Zionism*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Weyl, N., and W. Marina (1971). *American Statesmen on Slavery and the Negro*. New Rochelle, NY: Arlington House.